

АЛЕКСАНДР ХАРЛАМОВ

ПРАНКЕР

СМОТРИМ ФИЛЬМ – ЧИТАЕМ РОМАН

Александр Харламов

Пранкер

<https://litres.ru/74653243>

SelfPub; 2026

Аннотация

Антон, мастер голосовых имитаций, работающий на грани закона, становится пешкой в чужой игре, когда его вынуждают отключить систему безопасности торгового центра. Вспыхнувший пожар уносит десятки жизней, а его сестра оказывается в эпицентре огненной ловушки. Теперь «голосовому нелегалу» предстоит за одну ночь найти настоящего кукловода, спасти сестру и искупить вину, даже если ценой станет его собственная жизнь.

Александр Харламов

Пранкер

Глава 1. Симметрия и шум (7 июля. 22:00 - 00:00 8 июля)

Тишина в этой квартире была особой — не естественной, а сделанной на заказ. Двойные стеклопакеты отсекали ночной гул Невского, превращая его в далекое воспоминание о другом мире. Войлок под дорогими обоями поглощал всё: шаги по паркету, скрип мысли, эхо вчерашних ссор. Это был идеальный саркофаг в самом сердце города. Можно было прожить год, два, десять — и не услышать ни одного настоящего звука, ни одного чужого вдоха за стеной. Антон считал это идеальной тишиной. Как в операционной за секунду до разреза: стерильно, безвибрационно, предсказуемо. Только в такой среде можно было проводить тончайшие операции по извлечению и трансплантации человеческих голосов, не искажая материал фоновым шумом собственного существования.

В сорок лет лицо Антона было тем особенным, красивым лицом, которое не бросается в глаза на улице, но которое невозможно забыть. Не той правильной, почти скучной красотой журнальных обложек, а той, что выточена временем: жесткие складки у губ, впалые щеки, глаза, которые видели слишком много утрат, чтобы удивляться жизни.

Но дьявол тайлся в его гортани. Он умел разговаривать чужими голосами. Смартфон в его руках превращался в оружие манипуляций: то строгий голос отца, то плач истеричной женщины. Он был пранкером с лицом уставшего ангела. И никто никогда не знал, где заканчивается его ложь и начинается правда.

Антон сидел за столом из светлого дуба — единственным предметом, нарушавшим строгую геометрию комнаты, но это был алтарь в центре храма, и его асимметрия была сакральна. На экране ноутбука, проигрывалась запись. Пётр Колобов. Управляющий «Марк Девелопмент». Шестидесятилетний, с сединой, выгодно оттенявшей загар с горнолыжного склона, в костюме, сшитом в Лондоне. Он стоял на фоне лаконичной презентации — стрелки графиков уверенно ползли вверх. Его поза, мимика, каждый микрожест кричали о праве собственности на мир, но Антона интересовал только его голос. Он был конечной целью его сегодняшней охоты.

Пранкер запустил запись с самого начала, надел профессиональные наушники. Взял в руки планшет, включил программу-спектрограмму. На экране в реальном времени плясали разноцветные полосы — визуальный отпечаток голоса. Пальцы свободной руки легли на собственное горло, чуть ниже кадыка. Он закрыл глаза, отключив зрение, чтобы обострить слух и тактильные ощущения.

Колобов, на записи, голос ровный, с легкой театральностью: «Друзья, коллеги!»

Антон мысленно отметил: обращение. Голос делает небольшую горку, привлекая внимание. Тембр — тёплый, бархатистый, но без панибратства. Дикция безупречна. Он нажал паузу.

— Друзья, коллеги... — прошептал он. Звук был плоским. Он представил, что его грудная клетка — это не кости и мышцы, а деревянный корпус дорогой акустической гитары. Ещё раз, уже вслух, стараясь направить звук «в маску», в лицевые кости.

— Друзья, коллеги!

Лучше. Появился объём, но не хватало той самой, колобовской, фундаментальной уверенности, которая шла из самого низа живота. Уверенности человека, который никогда не сомневается в праве на то, что у него есть.

Колобов: «Пришло время подводить итоги — и мы рады представить результаты нашей работы».

Вот оно. Ключевая фраза. «Подводить итоги». Антон включил цикличное воспроизведение этого отрезка. Он воспринимал не звучание слов, а саму суть. Его уникальный дар, патология восприятия, граничащая с синестезией*, позволяла ему буквально видеть и осязать звук. Голос Колобова в его внутреннем пространстве представлялся как плотный, темно-бордовый шнур, свитый из тысяч блестящих, вибрирующих нитей-обертонов. Легкая, едва уловимая хрипотца, проступавшая на твёрдых согласных и в конце длинных фраз, была подобна шероховатостям на этом шнуре.

Антон поднял глаза на спектрограмму. Хрипотца отображалась как специфический «песочный» узор в высоких частотах. Он запомнил его рисунок.

Колобов: «За прошедший год “Марк Девелопмент” увеличила присутствие на рынке коммерческой недвижимости Санкт-Петербурга почти на двадцать процентов».

Синестезия*- звуки или музыка вызывают видение цветов и линий.

— За прошедший год... — начал он, и его собственный голос, обычно тихий и немного скрипучий от молчаливого образа жизни, дрогнул, начал меняться. — «Марк Девелопмент» увеличила присутствие...

Он поймал нужное положение языка для растянутого, чуть гнусавого «о» в «проценТОВ». Это была привычка, оставшаяся у Колобова от давней стажировки в Европе. Антон уловил её ещё на прошлой записи годовой встречи акционеров.

— ...на рынке коммерческой недвижимости...

Тут важно было не переборщить с пафосом. Колобов говорил о таких вещах, как о чём-то само собой разумеющемся, как о погоде. Антон снизил тон, сделал его более констатирующим.

— ...почти на двадцать процентов.

Вышло. Не идеально, но узнаваемо. Бордовый шнур в его сознании дрогнул и начал светиться — признак того, что ка-

нал установлен.

Он дал себе минуту отдыха, глотнул воды комнатной температуры. Горло было напряжено. Эта работа требовала чудовищной концентрации и мышечного контроля.

Вернулся к записи. Последний фрагмент.

Колобов: «Прямо сейчас идёт ввод в эксплуатацию почти двух тысяч квадратных метров площадей. Как вы помните, мы выиграли тендер на застройку освободившейся территории в новом для нас районе города».

Антон проиграл этот отрезок трижды. Особое внимание — на слово «тендер». Здесь голос Колобова звенел по-особому, почти мальчишески, в нём проскальзывала азартная нотка охотника, заполучившего лучший трофей. Пранкер уловил этот эмоциональный оттенок и мысленно сохранил его. Эмоция — это клей, который скреплял голосовые характеристики в убедительное целое.

Он был готов к звонку.

На столе, в строго отведённых местах, лежали инструменты. Два смартфона: личный, в потёртом красном чехле, и «рабочий» — синий, безликий, с усиленным корпусом. Камеры на обоих, как и на ноутбуке, были заклеены аккуратными квадратиками матового чёрного скотча. Это не паранойя. Это гигиена. В его ремесле любая незаблокированная камера, направленная на него, была как минимум пистолетом у виска, а как максимум — уже спущенным курком. Рядом — два пауэрбанка, портативный жесткий диск в алюминиевом

корпусе, пачка новых сим-карт. Всё необходимое для цифрового кочевничества.

Он взял синий смартфон. Пальцы сами нашли иконку приложения с перевернутой клоунской шляпкой. Пароль — длинная каша из цифр и символов, случайный набор, который он помнил телом. Вошёл.

Главный экран приложения был пуст, кроме одного контакта вверху списка: «Гордеев».

Антон сделал ещё один глубокий вдох, собирая воедино все детали образа: широкие плечи Колобова, его привычку поправить манжеты перед важной фразой, ощущение дорогой ткани на коже, запах собственного успеха. Он положил телефон на стол, включил режим записи. Каждый разговор архивировался. Потом он будет разбирать его, как трофей, ища свои ошибки.

Нажал вызов.

Гудки. Монотонные, раздражающие. Антон снова положил ладонь на горло. После четвёртого гудка щёлк.

— Как у тебя дела? — прозвучало в комнате.

Это был не голос Антона. Это был голос Петра Колобова. Это был голос человека, для которого любой вопрос означает «сообщите суть, но не тратьте моё время на детали».

В трубке послышалось короткое, удовлетворённое кряхтение, будто человек только, что удобно устроился в кресле.

— Нормально, хорошо, что ты сам набрал, — отозвался Сергей Гордеев, заместитель генерального директора компа-

нии. Голос у него был другим — шершавым, как наждачная бумага средней зернистости, с постоянным лёгким «аканьем». — Тут задание как раз для тебя, смотри.

«Задание, — мысленно усмехнулся Антон, оставаясь неподвижным. — Они все любят игры. Особенно те, кто думают, что умнее всех». Он позволил голосу Колобова окраситься лёгкой, снисходительной нетерпеливостью, вложив в него едва уловимый вздох.

Гордеев, не дожидаясь ответа, выпалил:

— У тебя шесть спичек. Как их так сложить, чтобы из них получилось три равносторонних треугольника? Ломать спички нельзя.

Внутри Антона что-то дёрнулось от раздражения. Детская геометрическая загадка. Примитивная ловушка для ума на плоскости. Его собственный интеллект, годами тренировавшийся на поиске обходных путей, лазеек и двойного дна, мгновенно выдал ответ: задача нерешаема в двухмерном пространстве. Тупик. Иллюзия выбора. Как и большая часть жизни. Но Колобов не должен был решать это мгновенно. Он должен был проявить лёгкое презрение к такой трате времени.

Антон выдержал паузу в две секунды — ровно столько, сколько нужно было, чтобы создать эффект лёгкого раздумья, и ответил, вложив в голос усталую снисходительность:

— Можно сделать только два. Три сделать невозможно.

— Я тоже все варианты перекрутил, — в голосе Гордеева

послышалась неподдельная досада, такая как у школьника, не сдавшего тест. — Только два получается. Но... Миронов говорит, что он сделал. Я бы посмотрел в интернете. Но хочется самому дойти.

Антон решил перевести разговор, добавив в голос Колобова нотки делового, начальственного тона, давая понять, что время игр истекло:

— Ладно, я тебе не поэтому звоню. Через неделю совет директоров.

Пока он говорил, его пальцы скользнули по тачпаду ноутбука. Одним плавным движением он развернул второе окно поверх спектрограммы. На экране возникла чёрно-белая мозаика из четырёх квадратов: живая трансляция с камер наблюдения в его подъезде. Он платил за этот нелегальный доступ хакеру-одиночке из Твери, который взломал домофонную систему. Это были его цифровые глаза, его сторожевые псы. Квадраты показывали линолеум с вытертыми до бетона полосами, обшарпанные перила, зеркало в лифте, отражавшее пустоту, и общий план на входную группу. Всё как должно быть.

— Дай догадаюсь, хочешь финальный отчёт посмотреть? — спросил Гордеев, и в его голосе прозвучала знакомая ухмылка.

И в этот самый момент, будто в ответ на эту ухмылку, цифровая идиллия на экране Антона прервалась.

Первый квадрат — камера у лифта — дрогнул, изображе-

ние поплыло, как в дурном сне, заполнилось кислотно-зелёными, ядовитыми помехами, и резко, без всякого перехода, погасло. На его месте всплыла лаконичная, безэмоциональная красная надпись: «Нет сигнала».

В солнечном сплетении Антона, прямо под грудиной, сжался тяжёлый комок.

Не успел он его осознать, как второй квадрат, показывающий лестничную площадку, повторил ту же агонию: судорога изображения, вспышка зелёного шума — и чёрная, всепоглощающая пустота.

Третий квадрат, вид на почтовые ящики внизу, умер мгновенно, без предсмертных конвульсий.

Четвёртый, общий план, продержался на секунду дольше, будто делал последний вдох, и тоже отключился.

Экран ноутбука теперь представлял собой чёрный прямоугольник, усеянный четырьмя алыми кляксами-надписями.

Его собственное дыхание, которое он всегда держал в узде, вдруг стало слышно. Колобов, столкнувшись с техническими неполадками у подрядчика, разозлился бы, но не выказал бы ни капли страха. Страх не входил в его эмоциональную палитру. Раздражение, давление, угроза — вот его инструменты.

— С меня бутылка! — бросил он в трубку, заставив голос Колобова звучать резко, отрывисто, по-солдатски. Дескать, хватит дурака валять, решай вопросы, а не головоломки мне подкидывай.

В ответной паузе он услышал неожиданную твёрдость.

— Прислать не могу, — произнёс Гордеев, и в его голосе не было ни намёка на былую панибратскую интонацию. — Хочешь, можем завтра встретиться и ты его полистаешь при мне.

Встреча? Личная? Это было грубейшим нарушением всех неписаных правил Антона. Никаких встреч. Только голос в трубке, только электронные письма с одноразовых ящиков. Пранкер медленно поднялся с кресла. Мягкая кожа тихо вздохнула, отпуская его. Он не отрывал глаз от мёртвого экрана с его алыми шрамами.

Он заставил ноги двигаться к прихожей, но голос должен был оставаться ровным, живым, полным эмоций. Антон вложил в него сложный коктейль: лёгкую, задетую обиду старого друга, раздражение делового человека и товарищеский укор.

— Ой, да что за скрытность такая, мы знакомы десять лет. Я тебя когда-нибудь подводил?

Прихожая была крошечной, похожей на шлюз между его миром и внешним хаосом. Он прильнул к дверному глазку — старому, с мутным стеклом, искажающему реальность, как рыбий глаз. Картина была статичной и пугающе мирной: пустой коридор, залитый белым светом дешёвой люминесцентной лампы, зелёные потрескавшиеся стены дореволюционной эпохи. И тишина. Но это была уже не его рабочая тишина. Это была тишина ловушки.

Пранкер на автомате, не отрываясь от глазка, потянул-

ся рукой и проверил верхний засов — тяжёлый, стальной штырь, входящий в прочную стальную пластину на коробке. Проверил нижний, такой же массивный. Цепь. Всё было на своих местах. Он прислушался. Ни звука снаружи.

— Нет, дать не могу, — голос Гордеева в наушнике стал настойчивее, в нём зазвучали нотки не раздражения, а чего-то иного, почти панического. — Слушай, ну ты тоже меня пойми, это гигантский риск. Сейчас любую переписку вскрывают. Если это куда-то утечет, потом с меня башку снимут. Давай при личной встрече.

В искажённом, выпуклом мире за стеклом глазка, что-то сдвинулось.

В дальнем конце коридора, там, где была дверь лифта, матовые створки разъехались беззвучно, плавно, как в дорогом отеле.

Из освещённого проёма кабины вышел мужчина, другой поднимался по лестнице.

Это точно были не соседи. Эти пришли иначе: синхронно, почти как по команде, делая полшага вперёд и замирая для оценки обстановки. Один, повыше, в тёмной, немаркой ветровке без капюшона, сразу же, резким движением головы, скользнул взглядом по номерам квартир. Его взгляд остановился на двери Антона. Он коротко, без слов, кивнул именно сюда своему напарнику.

По спине Антона, от самого копчика до основания черепа, пробежал мгновенный, пронзительный холод, сменившийся

через долю секунды приливом жара. Всё тело покрылось мурашками. На лбу, под прядями тёмных, давно не стриженных волос, выступила первая, солёная и жгучая капля пота. Она медленно поползла к виску. Он инстинктивно, резко отпрянул от двери, как от раскалённой докрасна плиты.

Его мир, выстроенный на симметрии, цифровом контроле и безупречном владении чужими голосами, треснул с сухим, чётким звуком ломающегося стекла. И в эту трещину хлынул реальный, неметафорический, примитивный ужас.

Голос в наушнике что-то бубнил. Гордеев. Антон не слышал слов. В ушах стоял нарастающий, звенящий гул, будто его опустили на глубину. Он вытащил один наушник.

Это операция. Чистая, выверенная операция по его изоляции и, вероятно, задержанию.

В нём созрела необходимость действовать. Без промедления. Его глаза, широко раскрытые, метнулись по столу, хватывая самое важное: ноутбук, телефоны, жесткий диск. Всё, что связывало его с миром Колобовых и Гордеевых. Всё, что было доказательной базой его существования как пранкера «Трикстера». Его движения стали резкими и точными.

Снаружи, сквозь толщу стальной двери, донеслись приглушённые, но совершенно отчётливые голоса:

— Он вообще там?

— Должен быть.

Собрав волю в кулак, Антон поднёс рабочий телефон ко рту. Его голос, срывающийся на крик, попытался вырваться

наружу, но он с силой подавил его и вновь заговорил голосом Колобова. Только теперь в этот тембр он поместил всю мощь ледяной, рубящей угрозы, какую только мог имитировать.

— А если вскроются твои липовые командировки? Затраты, не связанные с представительскими расходами, думаешь, тебя похвалят?

Он говорил, продолжая действовать: сдёрнул с полки зарядные кабели, сунул их в рюкзак, уже полуготовый на такой случай — «тревожный чемоданчик» цифрового бродяги. Там лежали пачка наличных, его настоящий и поддельный паспорт, две чистые флешки и другой бытовой хлам.

Из телефона донёсся лишь тяжёлый вдох Гордеева. Антон продолжал, меняя тактику, вкладывая в голос Колобова убедительность старого собутыльника, который предлагает спасительную схему:

— Давай по старой схеме. Я прикрываю тебя, а ты меня. Жду отчёт.

Скребущий звук снаружи стал громче, настойчивее. Антон ускорился, его слова потекли быстрее:

— У меня новая почта, старую взломали. Записывай.

Антон продиктовал новый электронный ящик, созданный специально для этого разговора.

— Принято. Записал, — отозвался Гордеев, и в его речи почувствовалась горечь и досада.

Пранкер подцепил ногтем лоток для сим-карты в синем

смартфоне, выдернул крошечную пластиковую карточку — его «рабочую» личность. Сунул её в карман джинсов. Жесткий диск, маленький брусок алюминия, — в другой карман. Ноутбук нужно было выключить, а не просто закрыть крышку, отключив от Wi-Fi. Его пальцы летали по клавиатуре, выполняя привычную последовательность действий, пока сознание пыталось обуздать панику, роившуюся в голове, как разбуженный улей. Антон снова, крадучись, как вор, подобрался к глазку. Двое мужчин стояли теперь вплотную к двери. Они что-то оживлённо, но беззвучно обсуждали жестами. Тот, что в ветровке, показывал пальцем на замок, затем на косяк и отрицательно качал головой.

Пранкер уловил обрывки шёпота, который, казалось, просочился сквозь сталь:

— Сегодня он никуда не денется от нас.

— Тише, тише...

Антон вжался в стену, стараясь даже не дышать.

Внезапно, без всякого предупреждения, раздался громкий, привыкший к беспрекословному подчинению голос, ударивший прямо в дверь:

— Открывайте, полиция!

Это был не крик, а команда. Чёткая, не допускающая возражений. Одновременно с ней в дверь, прямо в районе замка, гулко, с металлическим лязгом ударили чем-то тяжёлым. Не кулаком, а чем-то вроде тарана.

Антон вздрогнул всем телом, невольно отпрыгнул назад,

и его спина с силой ударилась об узкий столик-полку, стоявший в прихожей. На полке лежали ключи, стояла пустая стеклянная ваза, которую хозяйка когда-то поставила «для красоты». Ваза, подпрыгнув от удара, закачалась и рухнула на кафельный пол.

Звук её падения был оглушительным, подобным взрыву.

— Чёрт! — сорвалось губ Антона Захарова.

Снаружи на секунду воцарилась мёртвая тишина. Затем послышался сдержанный, быстрый диалог:

— Слышал?

— Внутри. Готовься.

Больше не было ни секунды. Антон вбежал в комнату, схватил со стула уже почти собранный рюкзак, на ходу сгрёб в него со стола ноутбук и наушники. Мозг лихорадочно проигрывал карту квартиры. Выход один.

Антон схватил рабочий смартфон. Пальцы дрожали, но мышечная память знала путь. Он открыл скрытую папку с аудиофайлами, нашёл запись с пометкой «Кашель_цикл» — один из его многочисленных подготовленных «саундтреков» для разных ситуаций. Запустил её на максимальной громкости, поставил на повтор. Из динамика раздался его собственный, надрывный, глухой кашель, записанный как-то во время простуды — идеально реалистичный.

Он бросил телефон на диван, прямо в середину, чтобы звук распространялся равномерно. Запись работала, создавая иллюзию присутствия человека, застигнутого врасплох

и пытающегося подавить приступ паники. Антон быстро вышел из гостиной закрыв её на ключ.

Раздался сухой, леденящий душу щелчок — не механический, а огнестрельный. Выстрел в замок. Затем второй. Металл заскрежетал, сдаваясь.

Антон, пригнувшись, выскользнул из коридора в маленькую спальню — вторую комнату квартиры, спрятавшись за массивным шкафом.

В этот момент из прихожей донесся грохот падающей на пол тяжелой двери и топот нескольких пар ног. Голоса полицейских, спокойные, но чёткие, заполнили прихожую:

— Послушай!

— Звук из той комнаты!

Антон, затаив дыхание, прислушался. Шаги, тяжёлые и быстрые, прошли мимо его укрытия по коридору, устремившись в гостиную, на звук навязчивого, повторяющегося кашля. Он услышал, как кто-то крикнул из коридора:

— Быстро открыл дверь!

Но отвечал им только всё тот же запрограммированный кашель. Этого окна в несколько секунд было достаточно. Антон беззвучно выскользнул в тёмную и пыльную парадную. Он не побежал сразу, а на несколько мгновений прижался к

стене, слушая. Из проема, где была дверь, доносились неразборчивые выкрики, шаги по его съёмной квартире. Они были заняты. Они ещё не нашли источник. Дверь гостиной содрогнулась от удара. Только тогда пранкер развернулся и помчался вниз по узкой, крутой лестнице, ведущей прямо в подвал и через технический выход — во внутренний двор-колодец. Его шаги теперь были лёгкими и быстрыми, он почти не касался перил. Через минуту Антон уже выскочил во двор, забитый мусорными контейнерами. Он прошёл через арку на соседнюю улицу, замедлил шаг, сливаясь с вечерним потоком прохожих — туристов с фотоаппаратами, пар с собаками, спешащих по домам офисных работников.

Не оглядываясь, Антон натянул капюшон чёрной худи, достал из рюкзака обычные наушники и воткнул их в уши, сделав вид, что просто слушает музыку. Его лицо было бледным, но ничем не отличалось от лиц других уставших горожан. Он свернул за угол, потом ещё раз, углубляясь в лабиринт питерских дворов-колодцев, оставляя за спиной дом, свою стерильную, дорогую камеру, и полицейских, которые в этот момент, наверное, уже с недоумением разглядывали работающий на диване смартфон, издающий одинокий, бесконечный кашель в пустой квартире. Он растворился в городе, как капли дождя в волнах Невы, мутной и равнодушной.

Глава 2. Цифровая тень в каменных джунглях (8 июля 01:00-00:04)

Через двадцать минут блужданий, когда ноги стали слушаться лучше, а дыхание выровнялось до стабильного ритма, Антон вышел на более оживлённую улицу в районе Сенной площади, здесь светилось окно круглосуточной булочной, у входа в метро кучковались курьеры.

Его взгляд, выхватывающий всё, что могло служить укрытием или угрозой, упал на вывеску «Интернет-кафе “Кибер-Ява”». Синий неоновый знак мигал с перебоями, одна из букв погасла. Окна были заклеены тёмной плёнкой, но в щель у двери пробивался тусклый желтоватый свет. Идеальная дыра, цифровая нора.

Пранкер толкнул дверь, и его тут же обдало спёртой волной воздуха — коктейль из пыли, исходящей от десятка системных блоков, запаха немытого пола и дешёвого растворимого кофе. За стойкой, заваленной пустыми банками из-под энергетиков, дремал подросток в мешковатом худи с капюшоном, натянутым на голову. В зале, разделённом низкими звукопоглощающими перегородками, сидели двое: один яростно кликал мышью, сопровождая действия гортанными выкриками на каком-то славянском языке, второй, постарше, просто спал, уткнувшись лбом в клавиатуру.

— Компьютер. На час. И кофе, самый крепкий, какой есть, — бросил Антон, не глядя на администратора, используя низкий тембр, позаимствованный у одного из своих старых «клиентов» — владельца сети автомоек. Голос звучал здесь неестественно громко и властно.

Подросток вздрогнул, поднял налитые сном глаза, кивнул на свободный терминал в самом дальнем углу, у стены, под треснувшим плакатом с рекламой какой-то игры.

— Пятьсот в час. Кофе — двести. Предоплата.

Антон молча достал из кармана смятую тысячерублёвку, бросил её на стойку.

— Сдачу потом.

Он прошёл к указанному компьютеру, поставив рюкзак между ног так, чтобы касаться его коленями. Место было идеальным — спиной к глухой стене, обзор на весь зал и вход. Компьютер оказался древним, с гудящим, как пылесос, кулером. Первым делом Антон не полез в интернет. Он достал из рюкзака свой ноутбук, блок питания и маленькую флешку в непробиваемом металлическом корпусе — криптованное хранилище. Подключил свой лэптоп к розетке под столом, воткнул флешку. Только через свой защищённый, напичканный собственными модификациями девайс Трикстер решился выходить в сеть. На кафешном компьютере он запустил лишь браузер в режиме инкогнито. На своём же открыл терминал, ввёл последовательность команд. Цепочка VPN*, прыгающая через серверы в Роттердаме, Праге и Сингапуре, установилась. Трафик был максимально размыт.

VPN* - это технология, которая защищает ваше интернет-подключение и конфиденциальность в сети, шифруя данные и скрывая ваш реальный IP-адрес.

Затем Антон подключился к защищённому серверу —

арендованному на подставные данные в Финляндии, куда ранее, по идее, должен был автоотправлением поступить финальный, выманенный у Гордеева, отчёт «Марк Девелопмент». Проверил директорию. Файл лежал там. Огромный, весом под гигабайт, архив с двойным шифрованием. Он начал скачивание. Пока шла закачка, пранкер запустил на своём ноутбуке скрипт — цифровую «химчистку». Программа автоматически меняла метаданные файла, слегка корректировала внутреннюю разметку документа, «подмешивая» цифровой мусор, чтобы затруднить любые попытки анализа происхождения и пути файла.

Кофе принёс тот же подросток, поставил на стол рядом с мышкой пластиковый стаканчик с мутной жидкостью. Антон даже не взглянул. Его взгляд был прикован к двум экранам: на одном ползла зелёная полоса закачки, на другом — белый текст терминала. Закачка завершилась. Файл-бомба был у него. Теперь публикация. У него был заготовлен и законсервирован канал: одноразовый аккаунт на файлообменнике с максимальной анонимностью, привязанный к такому же одноразовому email, созданному через Tor*. Трикстер загрузил отчёт. Процесс занял несколько долгих минут. Его пальцы нервно барабанили по столу.

Затем через другой, «глухой» аккаунт в одной из социальных сетей, созданный полгода назад, наполненный репостами экологических и антикоррупционных новостей, который вёл якобы независимый исследователь-активист, он

прикрепил ссылку на файл, сопроводив её сухим, но взрывным текстом, составленным заранее: «Отчёт “Марк Девелопмент” за прошедший финансовый год. Обратите особое внимание на разделы 4.7 — офшорные операции через Кипр и Британские Виргинские острова, 8.2 — согласование завышенных смет с чиновниками Комитета по строительству и приложение 11.3 — перечень «представительских расходов», совпадающих с датами заседаний тендерной комиссии. Решайте сами, где тут бизнес, а где схема коррупции».

Tor* - это бесплатная сеть и браузер с открытым исходным кодом, созданные для обеспечения максимальной анонимности в интернете.

Пранкер нажал «Опубликовать». Дело было сделано. Цифровая бомба приведена в действие. Теперь оставалось уничтожить следы здесь.

Антон быстро стёр историю браузера на кафешном компьютере, очистил кэш, завершил сессию. Свой ноутбук выключил, флешку спрятал в потайное отделение рюкзака. Теперь нужно было связаться с заказчиком. Он достал один из «чистых» телефонов — дешёвую «звонилку» с физической клавиатурой, купленную за наличные месяц назад и никогда не использовавшуюся. Вставил в него предоплаченную сим-карту. Набрал номер, сохранённый в памяти просто как «Склад № 3». Два долгих гудка.

— Говорите, — ответил мужской голос. Низкий, ровный, без эмоций и узнаваемых интонаций. Александр Громов.

В этом голосе была та же сталь, что и в его собственных постройках, он был прямым конкурентом «Марк Девелопмент».

— Отчёт отправлен, ссылка активна. Пиковый трафик начнётся через пятнадцать—двадцать минут. Ваша очередь отрабатывать публичную часть: заявления для СМИ, давление на регуляторов.

— Вижу активность, — последовал почти мгновенный ответ. — Второй транш поступит на счёт в течение часа. Наши договорённости выполнены. Однако, учитывая новые обстоятельства, настаиваю на личной встрече.

«Новые обстоятельства» — это, видимо, полицейский штурм квартиры. Фраза прозвучала как укор.

— Встреча не входила в условия договора. Вы получили результат. Я — окончательный расчёт. Точка.

— Ситуация динамична, ваша... недавняя проблема с жильём делает вас фактором риска. У меня есть для вас новое предложение. На порядок масштабнее. И с комплексом гарантий личной безопасности.

— Моя безопасность — моя зона ответственности, — отрезал Антон. Гарантии от Громова... Это мог быть билет в новую жизнь с чистой легендой. Или идеально расставленная ловушка, где приманкой будет он сам.

— Подумайте. Недолго, — сказал Громов, и в его голосе впервые прозвучало нечто, отдалённо напоминающее нетерпение. — Я позвоню на этот номер через четыре часа. Ес-

ли вы не возьмёте трубку, мы сочтём сотрудничество исчерпанным. И соответственно, не сможем препятствовать тому, чтобы ваши идентификационные данные... всплыли в качестве контрмеры со стороны «Марк Девелопмент». Они сейчас будут не в духе. Очень.

Связь прервалась. Антон с силой закусил губу. Чистейший, беспардонный шантаж.

Адреналин начинал отступать, сменяясь ледяной, всепоглощающей усталостью. Нужно было менять точку. Сейчас его могли искать уже не только как пранкера, но и как человека, только что обрушившего биржевые котировки и репутацию строительного гиганта.

Трикстер вышел из кафе, и ночной воздух показался ему свежим, несмотря на запах бензина. Свернул в ближайший сквер — небольшой, запущенный треугольник зелени между домами, с промозглыми гранитными лавочками и голыми, скрюченными ветками деревьев. Сесть не было возможности — слишком открыто, слишком уязвимо. Он прислонился спиной к шершавому стволу старого вяза. Достал свой личный смартфон в красном чехле.

Здесь вступала в силу его официальная, «белая» легенда. Он Антон Захаров, риелтор. Неудачливый, мелкий, работающий на себя. Именно под этой вывеской он арендовал свою прошлую квартиру и вёл часть переговоров. Антон открыл профессиональное приложение — базу по аренде жилья, к которой у него был платный доступ как у специалиста.

Это давало преимущество: больше объектов, в том числе тех, что ещё не попали в открытый доступ, возможность прямого контакта с некоторыми арендодателями, минуя агентства.

Фильтры ставились жёсткие: «Срочная аренда», «Посуточно (от одних суток)», «Электронный доступ код/ключ-бокс», «Без комиссии агентам», «Без обязательной проверки документов оплата наличными/крипто)», «Не первый этаж, не последний». Район — что угодно, кроме центра. Купчино, Гражданка, Ржевка. Без разницы.

Выдача выплонула с десятков вариантов. Он кликал на каждый, просматривая фотографии циничным взглядом: искал подвохи, признаки скрытых камер, неестественные углы обзора на фото, оценивал планировку на предмет запасных выходов, лоджии, смежные с соседями окна. Нашел идеальный вариант, идеален он был своей убогостью. Малосемейка в панельной девятиэтажке на Рязанском проспекте. Фотографии показывали выцветшие обои, советскую стенку, диван-кровать с продавленным матрасом, кухонный уголок с холодильником. И главное — в описании: «Срочный выезд прежних жильцов. Сдаём напрямую. Код от замка в день оплаты. Предоплата за неделю. Без вопросов»

Антон написал через встроенный мессенджер приложения, используя свой риелторский жаргон:

«Добрый вечер, коллега. Интересует объект на Рязанском, 8, к. 278 для клиента. Срочный заезд, возможно, сегодня ночью. Клиент — иногородний, документы при себе, оплата

наличными или Tether*. Возможно?»

Ответ пришёл через две минуты, что странно для двух часов ночи.

«Привет. Для коллеги — ок. Код вышлю после подтверждения оплаты за неделю (21К). Tether предпочтительнее. Счёт для крипты в описании. Код придёт в этот чат. Сегодня заехать можно»

Пранкер перевёл двадцать одну тысячу рублей с одного из своих зашифрованных кошельков на указанный адрес. Через три минуты в чат пришло сообщение: «Оплата получена. Код замка: 47#21В. Меняется каждые 7 дней. Удачи»

Всё. Крыша над головой есть. Теперь транспорт. Такси. Но ловить первую попавшуюся машину у метро «Сенная» было безрассудно. Он прошёл пешком несколько кварталов, вышел на Загородный проспект, где движение было оживлённее. Поднял руку. Остановился «Ситимобил», уже едущий на заказ.

— Подбросите до «Московских ворот»? По пути? — спросил Антон, приоткрыв переднюю дверь.

Водитель кивнул:

— Садитесь, по пути.

Антон сел на переднее пассажирское сиденье. Машина нырнула в ночной поток. Трикстер молча смотрел в боковое стекло, но всё его существо было напряжённым радаром. Он следил за зеркалом заднего вида, за фарами машин позади, за поведением водителя. Тот был спокоен, обычен, включил

радио. Тихая реклама сменилась выпуском новостей на одной из местных волн.

Tether* - это крупнейший в мире стейблкоин, то есть криптовалюта, курс которой жестко привязан к обычному доллару США в соотношении 1:1. Это цифровой аналог наличных денег в криптом мире.

Диктор, голос автоматический: «...а теперь о главном событии вечера. В интернете появился документ, претендующий на то, чтобы быть внутренним отчётом компании “Марк Девелопмент”. Файл был опубликован анонимным источником, предположительно связанным с пранкером, известным под ником «Трикстер». В материале содержатся...»

Водитель крикнул, перебивая диктора, повернув ручку громкости вниз.

— Ох, опять эти большие дядьки друг дружку топят. «Девлопмент», «флекс»... А нам, простым, от их дела ни тепло, ни холодно. Цены на квадрат всё равно до небес.

Антон промолчал. Его псевдоним. Его работа. Она звучала в эфире на всю многомиллионную агломерацию. Трикстер не был больше призраком, тенью в сети. Он стал публичным явлением, пусть и без лица. Мишенью. Это увеличивало все риски в сотни раз.

На «Московских воротах» пранкер вышел, пересёк освещённую площадь и уже на следующей улице поймал машину «Яндекс. Такси», указав в приложении адрес в противоположном конце города — «Проспект Науки, 10, корпус 2».

Антон сидел на заднем сиденье, притворившись спящим, но через приоткрытые глаза следил за маршрутом по карте на своём телефоне.

На проспекте Науки он вышел, зашёл в ярко освещённый круглосуточный гипермаркет «Перекры́сток». Прошёл через весь торговый зал, мимо полок с товарами, мимо касс, вышел не через главный, а через служебный выход, ведущий на погрузочную площадку и далее — на обширную, плохо освещённую парковку для сотрудников. Здесь, в тени бетонных заборов, дежурили частные извозчики на личных автомобилях. Пранкер подошёл к старой, потрёпанной «Тойоте Королле», водитель которой курил, стоя рядом.

— До Рязанского проспекта, восьмой дом, — сказал Антон, подойдя к водителю вплотную.

Водитель, пожилой мужчина с обветренным лицом и в старой кожаной куртке, кивнул, докуривая самокрутку.

— Садись, довезу.

Эта поездка была самой долгой и тихой. Он достал телефон и написал сестре Даше — та ещё минуту назад была в сети: «Привет! Чем занимаешься? Как дела?» Сообщение ушло, пометка «доставлено» загорелась. Но ни ответа, ни даже заветных трёх точек «печатает...» не последовало.

Машина, наконец, остановилась у нужного дома — типичной серой панельной девятиэтажки-«кораблика» из восьмидесятых. Подъезд, как и обещали, был открыт. Лифт, обшитый рифлёным металлом, гудел, как умирающий зверь. Чет-

вёртый этаж. Коридор с жёлтой краской на стенах и грязно-матовой плиткой. Он нашёл дверь с номером 278. Установлен умный замок с цифровой панелью, кричаще новенький на фоне обшарпанной двери. Ввёл код, замок щёлкнул.

Антон вошёл, сразу запер дверь на внутреннюю стальную задвижку, которую обнаружил на косяке. Бросил рюкзак на пол у входа. И только тогда, в полной темноте чужой квартиры, позволил себе эмоционально выдохнуть.

Включил свет. Диван-кровать с дешёвым коричневым покрывалом, стенка с пустыми полками, маленький телевизор на тумбе, кухонный уголок с мини-холодильником и одной конфоркой. Пранкер обошёл всё помещение, как зверь, обнюхивающий новую клетку. Проверил окна, закрыты на все щеколды, стеклопакеты старые, но целые, заглянул в пустой шкаф в прихожей, в ванную, чисто, сухо, пахнет плесенью. Достал из рюкзака портативный детектор радиоизлучения и сканер скрытых камер — дорогие игрушки параноика, которые теперь окупались сполна. Медленно прошёлся по стенам, розеткам, потолочным светильникам, вентиляционной решётке, рамке телевизора. Прибор молчал. Ни всплесков, ни наводок. Тишина в эфире.

Только тогда он буквально рухнул на жёсткий, продавленный диван.

Антон лежал в темноте, глядя на потолок, где слабо мерцал блик зелёного светодиода от телевизора. Он получил деньги, быстрая проверка показала: триста тысяч уже лежа-

ли на электронном кошельке от Громова. Пранкер ощущал себя не победителем, а загнанным зверем, прижавшимся к стене в самом дальнем углу новой, временной норы, чутко вслушиваясь в каждый шорох за тонкой стенкой, в каждый скрип лифта в шахте, ожидая нового, теперь уже совсем другого стука в дверь. Громов позвонил, как и обещал, через четыре часа, но Антон решил не отвечать на его звонок. В какой-то момент он провалился в тяжёлый сон.

Глава 3. Стеклоанная клетка над пустотой (8 июля 09:00-14:00)

Полиция начала вышибать дверь. Сначала был звук — глухой, тяжёлый удар плечом или каким-то орудием в район замка. Не крики, не требование открыть, а просто методичный, профессиональный напор. Дерево возле косяка хрустнуло, как сломанная кость.

Антон сорвался с дивана, его мятая одежда, которую он специально не снял перед сном, сковывала его движения. Сознание, затуманенное не сном, а тяжёлым, тревожным оцепенением, взорвалось адреналином. Времени не было. Было только пространство убогой комнаты, внезапно ставшее полем боя, где некуда отступить.

У двери лежал рюкзак, в нем ноутбук, телефоны, флешки. Не имея возможности спастись самому, он решил избавиться от следов, выкинув содержимое в окно.

Каждый удар по полотну был звонче, настойчивее, чем предыдущий. Сквозь щель блеснул свет из подъезда, мельк-

нула тень.

Пранкер заметался по комнате. Маленькая, жалкая территория — пять шагов в длину, три в ширину. Антон пробежал их туда-сюда дважды, бессмысленно, как зверь в клетке перед убоим. Руки сами потянулись к столу — схватить что-то тяжёлое? Нож? Но это была борьба, а он не боец. Его оружие было в другом месте, в цифровом эфире, а здесь, в физическом мире, он был гол и беспомощен.

Ещё удар. Что-то сдалось — железо или дерево. Раздался резкий, сухой щелчок ломающегося замка. Антон замер посередине комнаты, сердце колотилось где-то в горле, перекрывая дыхание. Он обернулся, ища взглядом последнее убежище. Ещё одна долгая, тяжёлая секунда тишины. Потом скрип резко открываемой двери, тяжёлые, молниеносные шаги по паркету.

Острая боль в левом плече, будто сустав выкручивают тупыми пассатижами. Антон дернулся, пытаясь вдохнуть, но легкие не слушались. Он открыл глаза. Над ним, перекрывая свет грязного потолочного плафона, нависало искаженное угловатое лицо в черной вязаной балаклаве. Глаза в прорезях были узкими, влажными и абсолютно пустыми — как у крупной рыбы на льду. Грубые, обезличенные руки в чёрных перчатках прижимали его лицо к колючей ткани дивана, вдавливая щеку в продавленный поролон, от которого пахло чужим потом. Кто-то третий, тяжелый и безмолвный, заламывал ему руки за спину, складывая их неестественным

«замком».

— Дыши ровно, гад. Дыши, — сиплый голос прозвучал прямо над его ухом оглушительно. Горячее дыхание с запахом лука и ментоловой жвачки ударило в нос.

Отточенный ободок стали щёлкнул вокруг его правого запястья, потом левого. Звук замка наручников был мелодичным и финальным. Сердце в груди Антона забилося так, что казалось, вот-вот разорвет рёбра.

— Антон Константинович Захаров, вы задержаны! — тот же голос теперь звучал официально, громко, для протокола, которого не было. — По подозрению в мошенничестве, организации преступного сообщества. Всё понятно?

В голове Антона была паника. Мысли превратились в хаотичные обрывки: «Как? Купчино... они нашли... след... сим-карта...». Он попытался вырваться, сделать хоть какое-то движение, но его придавили всей массой тел. Сморщенные обои с ромашкамиплыли и двоились у него перед глазами. Трикстер увидел свои пальцы, беспомощно скрюченные за спиной, и странно осознал, что ногти пора стричь.

— Где оборудование? — зарычал голос прямо над его затылком. — Где ноутбук? Где телефоны? Говори быстро!

Рот Антона был прижат к дивану.

— Я... не понимаю... Вы кто? По какому праву... — его собственный голос, приглушённый тканью, показался ему писклявым и жалким, голосом затравленного ребёнка.

В ответ — короткий, жёсткий удар коленом в почки. Боль,

острая и тошнотворная, разлилась волной по пояснице. Антон застонал.

— Право у меня в кобуре, — прошипел сиплый голос. — Обыск! Всё вскрыть, всё перевернуть!

В комнату с топотом тяжёлых берцев, ворвались ещё двое в чёрном обмундировании без опознавательных знаков. Они двигались с методичной, молчаливой яростью. Первый взялся за диван. Не стали сдвигать его, а просто длинным ножом со свистом вспорол боковину и спинку. Белые клочья поролона взлетели в воздух, как снег. Второй пошёл на кухню. Антон услышал, как открываются шкафчики, и посуда — та самая, дешёвая, оставшаяся от прошлых жильцов, — летит на пол с оглушительным, каскадным дребезжанием. Звон разбивающихся тарелок и стаканов резал слух.

Антон, ловя ртом воздух, увидел, как один из них подходит к его рюкзаку. Человек в чёрном молча вскрыл боковой карман ножом, на грязный паркет упала пачка сигарет. Он швырнул пачку через всю комнату. Она ударилась о стену и рассыпалась. Потом он взял рюкзак за дно и вытряхнул всё оставшееся содержимое. На пол вывалились: бутылка минералки, три зарядных кабеля, смятая серая футболка, пачка денег. Ни ноутбука, ни телефонов, ни флешек, ни паспорта.

— Чисто, — бросил тот, стоявший над рюкзаком, и в его речи прозвучало не разочарование, а скорее любопытство, как у хирурга, не нашедшего опухоль, но знающего, что она где-то есть.

Тогда тот, что держал Антона, сильнее вдавил его голову в диван, почти перекрывая дыхание.

— Где спрятал, гадёныш? Умный, да? Флешки? Ноут? Говори. Кто наниматель? Кто заказчик? Кто стоит за «Трикстером»? — Каждое слово сопровождалось лёгким, но унижительным тычком головой в поролон.

— Не... могу... дышать... — захрипел Антон, он чувствовал, как слюна стекает из уголка рта на ткань дивана.

— Отвечай, и дышать станет легче. Отчёт «Марк Девелопмент». Ты его украл! Кто заказчик?

— Я... не знаю... о чём вы... — это была последняя, жалкая попытка запирательства.

Вдруг в квартиру ворвался боец и издал короткий, удовлетворённый звук.

— Есть.

Антон, преодолевая боль, попытался повернуть голову. Человек в чёрном держал в руке... флешку и разбитый ноутбук.

— Ну что, умник? — Сиплый голос прозвучал почти ласково. — Всё тайное становится явным. Вставай. Медленно.

Его грубо подняли за сведённые за спиной руки. Боль в плечах стала невыносимой. Его повели к выходу. На пороге он споткнулся о разбитую тарелку, и тот, что вёл его, лишь сильнее дёрнул за наручники. В глазах потемнело. В ушах зазвенело. И в этот момент, в самый пик отчаяния и унижения...

...он проснулся.

Антон дёрнулся всем телом так резко, что сорвался с узкого дивана и ударился локтем о пол. Боль была реальной, ясной и почти благой. Он лежал, судорожно глотая воздух, сердце колотилось где-то в горле, в висках, в запястьях. Пот заливал спину и грудь, футболка прилипла к коже. Трикстер сел, дико озираясь. Комната. Та самая, унылая, с ромашками на обоях. Утро. Слабый серый свет пробивался сквозь дешёвую, вяло висящую тюль. Тишина. Только гул лифта в шахте где-то далеко и скрип тормозов во дворе. Никого.

Кошмар. Чёртов, яркий, тактильный, вывернутый наизнанку кошмар, порождённый собственным страхом. Он провёл руками по лицу, чувствуя дрожь в каждом пальце, каждую отдельную фалангу. Тело всё ещё помнило боль в плечах, давление на затылок, запах пыльного поролона и лука изо рта того... того голоса. Это был не просто сон-предупреждение. Это был прогноз, выданный его же перегруженным паранойей подсознанием. Сценарий полного и окончательного провала. Тюрьма. Пыточный обыск. Бессилие.

Антон встал, шатаясь, подошёл к окну, с силой откинул тюль, впиваясь глазами в происходящее внизу. Банальная, нормальная, серая жизнь: женщина выгуливает таксу, дворник сгребает скошенную траву. Мир, который жил по своим простым, понятным законам. Мир, от которого он был отрезан тонкой, но абсолютно непреодолимой стеной собственного выбора. Чувство ловушки, клетки, накрыло его с новой,

удушающей силой. Эта комната, пахнувшая тоской, безлика как коробка, была не убежищем. Она была преддверием, прихожей той самой камеры из сна. Антону нужно было отсюда исчезнуть. Не просто физически сменить локацию, а эмоционально переключиться. Ему нужно было вырваться из этого состояния, из этого парализующего, животного ужаса, который сковал всё его существо. Нужна была... передышка. Иллюзия контроля. Иллюзия того, что он ещё человек, а не загнанный зверь. Нужен был праздник. Даже если самый фальшивый, самый купленный.

И мысль о ней возникла сама собой, как единственный якорь в том мире, что ещё имел цвет, вкус, эстетику и хоть какую-то предсказуемость. Лера.

Пранкер нашёл свой личный телефон, всё ещё лежавший под диваном. Его руки дрожали так, что он с третьей попытки разблокировал экран. Набрал её номер. Она ответила не сразу, как будто давая себе время решить — брать ли трубку.

— Антон, — её голос был ровным, чистым, без следов сна или усталости. Она всегда была настороже, даже в девять утра, как дикое, прекрасное животное. — Раннее время для звонков.

— Лера. Привет. Ты... ты в городе? — Он попытался сделать свой голос твёрже, но слышал в нём хрипоту.

— До трёх дня. Потом вылет в Милан на показ Valentino. Что случилось?

Она считывала его по голосу, как прибор. Ничего не скро-

ешь.

— Ничего. Всё в порядке. Просто... — он замялся, и эта пауза сказала за него всё. — Просто хочу увидеть тебя. Позволишь купить тебе завтрак? Или просто кофе? В том месте, у Исаакия.

Пауза. Он слышал лёгкий, едва уловимый звук — возможно, она закуривала свою вечную электронную сигарету.

— Встретимся в одиннадцать. В «Мансарде». У них открыта летняя терраса. Ты знаешь.

— Знаю. Буду. Спасибо, Лер.

— Не опаздывай, — сказала она просто и положила трубку, не прощаясь.

«Мансарда» была не просто рестораном. Это была тщательно выверенная инсталляция на тему безупречной роскоши. Окна в пол, открывающие вид прямо на золотой, подавляющий своей массой купол Исаакиевского собора. Интерьеры в стиле ар-деко: бархатные банкетки, латунные детали, тёмное дерево. Воздух пах кофе, дорогим парфюмом и деньгами — он висел в основном зале лёгким, неуловимым флёром. Здесь сидели те, для кого деньги были не целью, а воздухом, которым они дышали. Антон пришёл на двадцать минут раньше, занял столик на застеклённой террасе, заказал бутылку дорогой итальянской минералки и стал ждать, наблюдая за крошечными фигурками туристов, ползающими, как муравьи, у подножия колоннады. Он чувствовал себя чужаком, голым в своём простом чёрном свитере и джинсах,

среди шелеста шёлковых платьев, щелчков каблучков по мрамору и тихого гула деловых бесед. Каждая нервная клетка в его теле была на взводе, сканируя окружение на угрозы, но здесь угрозой был лишь его собственный неподходящий вид.

Лера появилась ровно в одиннадцать, как дива. Она вошла не через главный вход, а через боковую дверь с Исаакиевской площади, как будто вышла из лимузина, хотя он мельком видел, как она вышла из скромного чёрного «Яндекс.Такси». На ней было длинный бежевый плащ свободного кроя от Lemaire, из-под которого виднелся край платья того же песочного оттенка. Никакой бижутерии, только крошечные бриллиантовые серьги-гвоздики, игравшие в свете люстр. Её пепельно-русые волосы были убраны в безупречный, тугий низкий пучок, открывая безукоризненную линию шеи и холодные, высеченные из мрамора черты лица. Она заметила его взглядом, не поворачивая головы, кивнула метрдотелю, и тот, словно получив незримый сигнал, немедленно провёл её к столику, отодвинув стул с бесшумной почтительностью.

Она села, сняла плащ, позволив официанту поймать его, не глядя на Антона, изучила меню, как важный документ.

— Я возьму яйца пашот со шпинатом и трюфельным кремом. И эспрессо. Двойной. Воду без газа, — сказала она официанту голосом, не оставляющим места для уточнений.

— Для меня то же самое, — быстро сказал Антон, чувствуя, как необходимость сделать выбор давит на него.

Они сидели в молчании, пока официант не удалился. Лера вынула из сумочки тонкую, серебристую электронную сигарету, сделала медленную, долгую затяжку, выпустила облачко пара с ароматом мяты и чего-то цветочного, которое тут же унёс сквозняк с террасы. Только тогда она перевела на него свой взгляд — взгляд фотомодели, оценивающий свет, ракурс и... объект.

— Ты выглядишь так, будто провёл ночь не в постели, а в бетономешалке, — констатировала она без эмоций. — Глаза запавшие, кожа серого цвета. Твоя энергия — это сплошная чёрная дыра сегодня. Опять твои... тёмные делишки?

Он отпил воды, чувствуя, как прохладная жидкость обжигает сжатое горло.

— Просто плохо спал. Новое место. Непривычно.

Она усмехнулась одним левым уголком губ — это было её фирменное, едва уловимое выражение скепсиса.

— Антон, мы знаем друг друга достаточно, чтобы не играть в эти игры. Ты не из тех, кого беспокоит «непривычность». Ты — существо привычки и контроля. С тобой случилось что-то, что этот контроль сломало. Что?

Он отвернулся, глядя на золотой купол, давивший на город.

— У меня были проблемы. С жильём. Пришлось экстренно съехать. Это... выбило почву из-под ног.

— Полиция? — спросила она прямо, без колебаний, как будто спрашивала про погоду.

Он замер. Сказать правду? Невозможно. Солгать убедительно? Она чувствовала ложь на уровне вибраций.

— Не совсем полиция. Скорее... нежелательное внимание. Со стороны... конкурентов, — он выбрал слово, максимально нейтральное и понятное в её вселенной высокой моды и жёсткого бизнеса.

— А, — она кивнула, как будто получила исчерпывающий ответ. В её мире «конкуренты» могли означать что угодно — от чёрного пиара до подкупа фотографов и физических угроз. — И что теперь? Будешь скрываться в этой своей новообретённой лачуге?

— Теперь я сижу с тобой и пытаюсь пить кофе, — он попытался улыбнуться, но улыбка получилась кривой.

Принесли еду. Они ели почти молча. Яйца пашот были идеальными, эспрессо — ароматным и крепким. Вид, и правда, был впечатляющим и подавляющим. Величественный, тяжёлый собор, символ имперской мощи и несокрушимости. Но Антон не видел этой красоты. Он видел лишь каменную громаду, давящую на хрупкий город, символ системы, порядка, закона — всего того, против чего он играл. А рядом с ним Лера казалась органичной частью этого мира холодного величия — безупречной, отполированной, неуязвимой статуей.

— Мне нужно сменить обстановку, Лера, — сказал он, отодвигая пустую тарелку. — Кардинально. Не просто другую квартиру. Другую... атмосферу. Небоскрёб. Вид на во-

ду. На пустоту. Что-то абсолютно новое, стерильное, без истории. Есть идеи? Ты всегда в курсе таких мест.

Она допила эспрессо, поставила крошечную чашку на блюдце с тихим звоном. Задумалась, глядя в пространство.

— На Васильевском. Новый комплекс на намывных территориях. «Форум». Там есть несколько апартаментов, которые сдают под фотосессии, ивенты, иногда... для особых гостей. Вид только на залив и на ЗСД. Никаких старых домов, никаких дворов-колодцев. Полная изоляция. Как стеклянная колба, подвешенная между небом и водой. Тебе подойдёт?

— Идеально, — выдохнул он и впервые за этот день почувствовал слабый, далёкий проблеск чего-то, отдалённо напоминающего облегчение. Стеклянная колба. Идеальная метафора. Он внутри, мир снаружи. Видно всё, но не дотронуться. И нельзя выйти.

— Дай мне полчаса, — она взяла телефон, отошла от столика к дальнему краю террасы, говоря тихо, отрывистыми фразами. Её профиль на фоне громады Исаакия был столь же совершенен и недостижим.

Пока она говорила, он смотрел на неё. Она была поразительна. Не просто красива — она была явлением, аномалией. Если бы в этот самый момент в ресторан ворвались те самые люди из его сна с его фотографией и громким вопросом: «Вы видели этого человека?» — он был почти уверен, что все присутствующие, включая воображаемых оператив-

ников, на несколько секунд просто онемели бы, уставившись на неё. Она затмевала всё вокруг, как сверхновая звезда затмевает тусклые огни планет. Лера была его живым щитом, его глотком воздуха в мире, где пахло только страхом и пылью, его доказательством, что где-то ещё существует эстетика, лёгкость и безупречность. Пусть купленная. Пусть ненастоящая.

Она вернулась, скользнув на стул.

— Готово. Апартаменты на тридцать втором этаже северной башни. Ключ в сейфе у частного консьержа. Код для сейфа я сброшу тебе в Telegram. Сутки. Завтра к полудню нужно освободить. Стоимость... ты уверен?

— Абсолютно. Спасибо. Я... я не знаю, что бы без тебя делал, — он сказал это искренне, и это прозвучало нелепо.

— Перестань, — она отрезала, поднимая руку, чтобы остановить поток сантиментов. — Ты платишь по счёту, который придёт на твою риелторскую контору. Я получаю свой процент от друзей, которые этим управляют. Всё честно и прозрачно. Идём. У меня ещё пара дел перед вылетом.

Они вышли на Исаакиевскую площадь. Резкий ветер с Невы ударил в лицо, заставив вздрогнуть. Вместо того чтобы вызвать такси, Лера повела его пешком по набережной Мойки в сторону Невского. Она шла быстрым, уверенным шагом, и ему приходилось ускоряться, чтобы поспеть. Они не разговаривали, но её молчание было не неловким, а насыщенным, как и всё в ней. Валерия купила в крошечной, по-

чти секретной парфюмерной лавке флакон какого-то японского аромата, название которого он не расслышал. Потом уверенно свернула на Малую Морскую и зашла в бутик элитных вин Le Cellier.

— Ты сказал, праздник, — бросила она ему через плечо, изучая полки в погребе. — Ситуация требует соответствующего напитка. Возьмём это. Bollinger La Grande Année 2014. Для твоего утончённого вкуса, возможно, слишком громкое и эффектное, но для стеклянной колбы с видом на скоростную трассу — идеально. Игра на контрастах.

Антон молча кивнул и расплатился своей «белой» кредиткой, которая всё ещё работала. Бутылку бережно упаковали в плотный крафтовый пакет. Небо темнело, натягивая над городом привычное свинцовое одеяло. С намывными территориями Васильевского острова не было прямого удобного сообщения. Лера, не смущаясь, повела его к одному из причалов у Благовещенского моста, где стояли частные катера, предлагающие «экскурсии» для своих.

— Васильевский, «Форум», — сказала она капитану небольшого, стремительного катера Riva.

— Понял, — кивнул тот, даже не спрашивая цену.

Через десять минут они уже летели по серой, мелкой, взволнованной ветром воде Финского залива. Антон вцепился в поручень, и это физическое ощущение скорости, борьбы со стихией, холода и солёной влаги на губах было первым за долгое время настоящим чувством. Не страхом, не тревогой

— просто ощущением жизни, грубой и простой. Он украдкой взглянул на Леру. Она стояла, откинув голову, встречая ветер лицом, и её волосы выбивались из пучка, развеваясь знаменем. В этот миг она выглядела не моделью, а какой-то морской богиней, вышедшей из пены.

Комплекс «Форум» и вправду напоминал декорацию из футуристичного блокбастера. Три призматические, зеркальные башни из тёмного стекла и стали росли прямо из воды, соединённые на высоте прозрачными переходами-трубами. Всё вокруг — причалы, дорожки, газоны — было стерильно новым и безжизненным. Здесь не было истории, здесь было только будущее, и оно было манящим.

Код от сейфа сработал. Консьерж, молодой человек в безупречном костюме, вручил Антону ключ-карту без единого лишнего слова. Лифт, отделанный матовым металлом, поднял их на тридцать второй этаж так бесшумно и быстро, что заложило уши. Дверь открылась прямо в апартаменты.

Пространство захватывало дух. Минимализм, доведённый до состояния медитации: белые стены, полированный бетонный пол с подогревом, гигантский угловой диван цвета мокрого асфальта, низкий стол из цельного дуба. И главное — панорамное, безрамное остекление во всю стену от пола до потолка. За стеклом лежала бескрайняя, свинцовая, пустая гладь Финского залива, уходящая в голубую дымку горизонта. Слева, как светящаяся игрушка, висел Западный скоростной диаметр — непрерывный поток фар, тихий, без-

звучный с этой высоты. Город с его проблемами и прошлым остался где-то там, далеко позади, залитый водой и расстоянием. Они были в невесомости. В идеальном, стерильном аквариуме.

Лера сняла плащ, бросила его на диван и подошла к окну, упёршись ладонями в стекло.

— Нравится? — спросила она, не оборачиваясь, её отражение в стекле было призрачным.

— Это... сюрреалистично, — честно сказал Антон, ставя пакет с шампанским на стол. — Как будто мы уже умерли и попали в какое-то чистилище для дизайнеров.

— Так и должно быть, — она повернулась к нему. — От реальности здесь только цена за квадратный метр. Открывай своё показное шампанское. Давай посмотрим, стоит ли оно этого вида.

Антон нашёл в скрытой мини-кухне два хрустальных бокала тончайшей работы, открыл бутылку. Лёгкий, сдержанный хлопок пробки странно гулко отдался в пустом, акустически мёртвом пространстве. Он налил. Игристое вино было бледно-золотым, с упругой, мелкой пеной. Они выпили, стоя у гигантского окна. Шампанское было превосходным — сложным, с нотами спелого яблока, миндаля и чего-то минерального, с долгим послевкусием. Антон чувствовал лишь головокружительную высоту, абсолютную хрупкость этого огромного стекла перед ним, отделяющего их от пустоты.

— Я улетаю через три часа, — сказала Лера, поставив

недопитый бокал на бетонный пол. — Ты останешься здесь один. Не разбей ничего. Не затопи. Если что, отвечать тебе. — Лера... Спасибо?!

Она подошла к нему вплотную. Её глаза на таком расстоянии казались ещё более бездонными. Она положила ладонь на его щёку. Её пальцы были прохладными и невесомыми.

— Перестань делать эти глаза — глаза загнанного зайца. Ты не заяц. Ты справишься. Ты всегда справляешься. Просто пережди бурю. Все бури когда-нибудь кончаются.

Она поцеловала его. Нежно, коротко, без страсти, почти по-матерински, что было в ней страннее всего. Потом отошла, надела плащ, поправила волосы у зеркала в прихожей.

— Мне нужно в Пулково. Ключ-карту оставь на столе при выезде. Сейф закроется автоматически.

И она ушла. Лифт забрал её беззвучно, оставив после себя лишь лёгкий шлейф её парфюма, который скоро должен был раствориться в стерильном воздухе фильтрации.

Он остался один. Один в этой роскошной, ледяной, геометрически совершенной капсуле. Тишина здесь была иной — не давящей, как в убогой квартире в Купчино, а звенящей, космической, тишиной вакуума. Он подошёл вплотную к окну, приложил лоб к холодному, почти неощутимому стеклу. Где-то там, в той полосе огней на горизонте, была его разбитая жизнь, его взломанная дверь, люди, которые его искали. А здесь, в этой стеклянной башне, он был в безопасности. На время.

Он долил шампанского, унёс бокал на диван, утонул в его мягкости. Включил огромный, тонкий, как лист, телевизор, встроенный в стену. Прокрутил новостные каналы. Всё та же картина: представители «Марк Девелопмент» с каменными лицами давали пресс-конференцию, обвиняя «Стройфлекс» и Громова в чёрном пиаре и клевете. Ни слова о задержаниях, о пранкере, о взломе квартиры в центре. Информационная война уже бушевала на уровне корпораций, не опускаясь до таких мелочей, как он. Пока.

И в этот самый момент, когда дорогое шампанское начало слегка согреть изнутри и размывать острые углы страха, а гипнотический вид из окна погружал в почти транс, на его отдельный, «рабочий» телефон, лежавший в глухом, беззвучном режиме в потайном отделении его рюкзака, пришло сообщение.

Он замер. Часть его отчаянно не хотела смотреть. Хотела продлить эту хрупкую, купленную иллюзию покоя, но другая часть — профессиональная, цепкая, та, что обеспечила ему всё это шампанское и этот вид, — уже проснулась и требовала действий. Привычка, глубоко въевшийся инстинкт выживания, оказались сильнее сиюминутного желания забыться.

Трикстер поставил бокал, встал, достал телефон. Зашифрованный мессенджер с самоуничтожением истории. Новый контакт, не Громов. Чей-то ещё. Заказ.

Текст был деловым, без приветствий и знаков препинания: «Срочный заказ. Требуется имитация голоса адвоката

Сидорова Алексея Викторовича, образец голоса во вложении. Звонок его подзащитному Петрову Ивану Сергеевичу номер прилагается. Цель выяснить истинные обстоятельства бытового конфликта с со соседом, возможны ли свидетели со стороны Петрова. Клиенту требуется понять стоит ли менять показания на более жёсткие. Бюджет восемьдесят тысяч».

Бытовуха. Ссора на даче. Возможно, драка, возможно, что серьёзнее. Мелко, грязно, пахнет перегаром, кулаками и жадностью. Никакой глобальной политики, никаких миллиардов. Ровно то, что он умел делать лучше всего на свете. Пространство вокруг него, это полусухое шампанское за пятнадцать тысяч — всё это мгновенно обесценилось, стало просто дорогой, бессмысленной декорацией для его единственной настоящей работы. Антон вздохнул. Стеклянная колба треснула, не успев его защитить. Иллюзия праздника и безопасности закончилась, едва успев начаться.

Он поставил бокал в раковину, открыл ноутбук, подключил его к защищённой сети через свой телефон. Скачал вложенный аудиофайл. Надел наушники с шумоподавлением, которые отсекали даже тихий гул климатической системы. Запустил запись. Голос адвоката Сидорова был грубоватым, с лёгкой хрипотцой, как у бывшего курильщика, в интонациях чувствовалась усталая профессиональная циничность и привычка говорить свысока. Антон закрыл глаза. Его пальцы сами потянулись к горлу, нащупывая кадык. Он сделал первый пробный, беззвучный выдох, пытаясь поймать тембр,

эту характерную, немного гнусавую «юридическую» растяжку гласных. Всё остальное — давящий страх утра, прикосновение Леры, бездонная, пугающая высота за стеклом — отступило, растворилось в белом шуме концентрации. Остался только голос. Чужой голос. И задача. Чёткая, понятная, решаемая.

Он написал в мессенджере ответ: «Принято. Сегодня будет готово. Требуется предоплата в пятьдесят процентов»

Через минуту пришло уведомление о зачислении сорока тысяч рублей на один из его виртуальных кошельков. Сделка была заключена.

За окном «Форума», внутри стеклянной колбы, на тридцать втором этаже, человек, которого разыскивали как минимум две мощные и безжалостные силы, тихо, по слогам, повторял чужие слова, готовясь снова надеть маску, спрятаться в чужой жизни. Праздник, если он и был, кончился. Осталась только работа. Бесконечная, одинокая работа в самой красивой и бездушной клетке из всех возможных.

Глава 4. Памятник разрушению (8 июля 15:00-16:00)

Солнце уже не грело. Только тускло-жёлтые стрелы пробивались сквозь свинцовую тяжесть туч и ложились на воду Финского залива. Вода принимала их молча, без благодарности. Как и всё остальное.

Антон отложил телефон, задание с голосом адвоката было закончено, вторая часть оплаты пришла — можно было вы-

дохнуть.

Взгляд пранкера упал на полку, встроенную в бетонную колонну, — арт-объект, подарок прежнему жильцу: абстрактная композиция из тонких металлических стержней, собранных в подобие кольца Сатурна или сломанного нимба. Шесть спичек. Три треугольника. Глупая, навязчивая задача Гордеева, заглушённая выстрелами в дверь его прежней жизни. Она сверлила мозг, как сверлят гранит — медленно, нудно, оставляя белую пыль мыслей.

Антон взял в руки металлическую конструкцию. Она была неожиданно лёгкой. Не раздумывая, ухватился за один из длинных стержней, торчащих в сторону, будто стрелка несуществующих часов, указывающая в никуда. Дёрнул. Не с силой, а с точным, коротким усилием. Стержень подался с тонким скрипом, будто кость мелкого животного, и вырвался из пайки. Пранкер отложил его на широкий стол из состаренного дуба. Второй. Третий. Металл гнулся в пальцах, пружинил. Четвёртый. Пятый. Шестой. На столе лежали шесть идентичных блестящих прутков, каждый длиной с палец. Теперь у него было сырьё для задачи без решения. А сломанный нимб на полке превратился в уродливый, кривой остов, лишённый смысла. Он повертел его в руках и с лёгким звоном поставил обратно. Пусть стоит. Памятник разрушению.

Антон взял личный телефон. Красный чехол, потёртый на углах, как старая, много раз читанная книга. Открыл приложение банка. Всплыл баланс, вбил сумму: тридцать тысяч.

Выбрал получателя — «Сестрёнка». Этот перевод был подтверждением связи, которая сейчас казалась тоньше и ненадёжнее этих проволочек на столе. Анимация — стремительный полёт монет. Деньги ушли. Антон сразу, почти рефлексивно, движением, отточенным годами тоски, нажал видеовызов, ему нужно было видеть живые глаза, движение губ, тень улыбки или грусти.

Убедиться, что она — реальна, что не всё растворилось в дыме его собственных катастроф.

Звонок шёл долго. Он смотрел на своё отражение в чёрном экране ноутбука — бледное, осунувшееся лицо с фиолетовыми, как синяки, кругами под глазами, щетина.

Лицо незнакомца. Наконец, соединение установилось. Экран ожил, заполнился шумом чужой, нормальной жизни.

Кадр колыхался, затем стабилизировался. Даша. Она была в кафе, за столиком у стены, заваленном учебниками, распечатками и листами конспектов, исписанными её быстрым, размашистым почерком. Рядом с ней, придвинувшись вплотную, — Оля. Подруга. Милая, вечно немного растерянная девушка с круглым, добрым лицом, веснушками на вздёрнутом носу и всегда чуть с растрепанными светло-русыми волосами. Оля сейчас что-то оживлённо, с широкой, ободряющей улыбкой, объясняла Даше, водя карандашом по странице с интегралами.

На лице Даши, усталом и сосредоточенном, промелькнула улыбка — не такая яркая, как обычно, чуть затруднённая, но

искренняя.

— Привет, братан! — её голос прозвучал из колонок ноутбука, странно громко и звонко в безмолвной гробнице его квартиры. В нём слышалась лёгкая сонливость от долгого сидения в кафе, а может, от недавних слёз.

— Привет, что, в кабачке трудовом засели?

— Ага, — она вздохнула, откинулась на спинку стула, потянулась, и её тень на стене за ней изогнулась. Оля, заметившая разговор, отвлеклась от интегралов, повернула голову и помахала Антону в камеру рукой, он помахал ей в ответ, Даша повернула телефон на себя.

— Завтра пересдача по матану. Последняя попытка, иначе вылет. У нас тут мозговой штурм полным ходом. Оля пытается втолковать мне эти дурацкие интегралы, как будто я пятилетний ребёнок, который путает право и лево.

Оля фыркнула и толкнула Дашу плечом:

— Ну ты даёшь! Я просто объясняю на пальцах! Это же элементарно, Даш!

— Для тебя элементарно, ты же гений, — проворчала Даша, но беззлобно.

— Ну, с твоей-то исторической любовью к точным наукам... — он позволил себе лёгкую, едва уловимую ухмылку, вспомнив, как в седьмом классе она три дня решала уравнение, пока не разорвала тетрадь в сердцах.

— Не начинай, — она фальшиво насупилась, скосила глаза.

— Спасибо, кстати, за перевод. Обнаружила только что. Ты чего такой вдруг щедрый? Золотую жилу нашел?

— Так, сработал один контракт, — он отмахнулся, стараясь, чтобы это прозвучало как обычно, буднично. — Решил тебе подкинуть на новые туфли для танцев. Или на что захочешь, — он осторожно, как сапёр, нащупывал почву, зная, что ступает на минное поле.

Её взгляд потускнел, губы сжались в тонкую, упрямую линию. Она опустила глаза на учебник, стала перебирать страницы, хотя ничего не видела.

— Какие там туфли... — она пробормотала так тихо, что микрофон едва уловил. Оля рядом озабоченно нахмурилась, перестала улыбаться и положила руку ей на плечо, по-дружески сжала.

— Что случилось?

— Да ничего особенного, — сказала она, не глядя в камеру.

— Соревнования провалила. Пятое место. С конца.

Он молчал секунду, давая ей понять, что услышал, что это важно.

— Не стоит отчаиваться, у всех бывают падения. Это не конец света.

— Не будь ты, как родители! — выстрелила она внезапно, резко подняв на него глаза, и это было больно. Больнее, чем упрёк. Это был приговор его методам, его роли в её жизни — откупаться деньгами, успокаивать общими, ничего не знача-

щими фразами, быть физически далёким, когда нужно было быть рядом.

— Вечно вы все с вашими «ничего страшного» и «всякое бывает»! Мне это не помогает, понимаешь?!

Антон понимал, он всё понимал, и от этого понимания стало ещё горше.

— Хорошо, прости. Не буду.

Он сменил тему разговора, чтобы дать ей и себе передышку, и перевёл камеру на стол, на шесть металлических стержней, лежащих параллельно, как строка какого-то неизвестного, зашифрованного кода.

На экране Антон увидел, как она прищурилась, пытаясь разглядеть.

— Что это?

— Пытаюсь из шести стержней собрать три равносторонних треугольника, — сказал он, водя камерой над ними, чтобы она увидела их длину, одинаковость. — Головоломка. Пока получается только два.

Сестра Антона придвинулась ближе к экрану, убрав учебник. Увидел, как её брови сошлись, в глазах появился знакомый огонёк. Боль, стыд, обида — отступили, освободив место старому, детскому рефлексу. Так было всегда. В детстве она решала логические задачки, ребусы, пазлы быстрее всех, даже быстрее него. Это была их игра.

— Дай-ка подумать... — Даша прикусила нижнюю губу, её глаза бегали по экрану, будто она физически водила паль-

цами по этим стержням. Оля тоже заинтересованно заглянула в камеру. Через несколько секунд Даша уверенно покачала головой:

— Невозможно. Это аксиома. Ты либо условие не так понял, либо это ловушка.

Он усмехнулся, коротко, беззвучно.

— Возможно, ловушка, — согласился он.

— Но я ещё подумаю. Может, есть какой-то трюк.

— Спасибо за деньги, правда, — вернулась она к началу, но уже без вызова, тише, мягче. — Ты как сам? Не высыпаться?

Антон был разбитый, был на грани, на лезвии, но он не мог ей этого сказать. Никогда.

— Да так, работа, — отмахнулся он, сделав прозрачно-небрежное движение рукой. — Новый проект, нервный очень. Сменил локацию, временно.

— Стекла много...

— Как Володя?

Лицо Даши снова замкнулось. Стало непроницаемым, взрослым.

— Снова погугались?

— Не сейчас, Антон, — её голос стал резким, отрезающим, как нож. — Ладно? Это... не твоё дело. У меня телефон вот-вот сядет, а нам ещё полглавы разобрать. Я... я позвоню как-нибудь на днях, хорошо? Расскажу всё. Только не сейчас.

— Хорошо, береги себя, сестрёнка. И удачи на пересдаче.

— И ты берегись. Не переработай там в своей стеклянной коробке. Пока.

— Пока, Антон! Удачи! — крикнула в камеру Оля, и через мгновение связь прервалась. Экран снова стал чёрным, зеркальным, отражая его лицо и размытые очертания комнаты за спиной.

Даша не просто проиграла, она была ранена, и рана была глубже, чем он думал.

Пранкер встал, прошёлся по гладкому, как лёд, полу обратно к окну. Уперся лбом в стекло. Закрыв глаза. И тогда, наконец, позволил себе провалиться в прошлое.

Ему двадцать. Квартира родителей пахнет больницей, новыми обоями и каким-то детским кремом. Дверь открывается, вносят свёрток в голубом, нежно-пахнущем одеяле. Мать бледная, двигается осторожно, маленькими шажками, но глаза её блестят. Отец сияет всем существом.

— Ну, Антон, знакомься! Теперь у тебя есть сестра. Будь примером!

От этих слов у Антона ёкнуло где-то под сердцем, странное, щемящее чувство. Ему подносят этот свёрток. Он неловко берёт её на руки. Вес — ничего, пушинка, но ответственность, которая вдруг с грохотом обрушивается на его плечи, тяжела, как огромная металлическая балка. Он смотрит на нелепо прекрасное личико. Ребёнок сопит. И тут из-

под края одеяла вырывается крохотная, красная рука с идеальными, крошечными ноготками. Пальцы сжимаются в кулачок, потом разжимаются, делают неуверенное движение и вдруг цепляются за его указательный палец. Хватка неожиданная, сильная, цепкая, живая, не желающая отпускать. В этой хватке и маленькой ладони — всё: хрупкость, абсолютная зависимость, немое требование защиты. Антон стоит не дыша, боясь пошевелиться, и понимает: всё. Его прежняя жизнь — одиночество, студенческий бардак, первые, пахнущие свободой собственные деньги, посиделки с друзьями — кончилась. Началось что-то другое. Навсегда.

Ему двадцать семь. Конец лета, в старой квартире душно, даже с открытыми окнами. Родители в Сочи, тот самый провальный контракт, который высасывает из них все соки, силы и требует их постоянного, присутствия. Он остаётся за всё ответственным. Утро первого сентября. Даше — семь. Антон приходит её будить, но Даша уже давно не спит от волнения, сияет, как маленькое солнце, рядом висит им же отутюженная форма.

Банты белые из атласных лент, Антон сражается с ними полчаса, сидя на корточках перед ней. Его большие, неуклюжие, привыкшие к клавиатуре пальцы путаются в этих скользких лентах.

— Ты не уйдёшь? — спрашивает она шёпотом. Её глаза огромные, тёмные, бездонные, наполнены безграничного доверия и первобытного страха перед неизвестным.

— Нет! Конечно, нет.

Антон ведёт сестру в школу. Не на такси — пешком, медленно, чтобы продлить этот момент, чтобы она запомнила дорогу, чтобы привыкла. Он несёт её портфель лёгкий, почти пустой и пёстрый букет астр, купленный у бабушки у метро. Даша сжимает его свободную руку. Её ладонь липкая от волнения, маленькая, горячая, цепкая, как тогда, в первый день. У ворот школы — толпа, гомон, море цветов и растерянных, сияющих детских лиц. Он чувствует себя чужим, не на своём месте. Родители вокруг — в основном мамы — молодые, усталые, болтающие друг с другом. Их взгляды скользят по нему, по Даше, и в них читается обычное, бытовое недоумение: слишком молод для отца, слишком... какой-то не такой.

У порога их класса стоит учительница — улыбчивая женщина с добрыми глазами в очках.

— Здравствуйте! Дашенька?

Даша кивает, не разжимая губ, прижимается к его ноге.

— А папа будет на родительское собрание оставаться? — учительница обращается к нему, её взгляд открытый, дружелюбный, предполагающий нормальность, обыденность происходящего.

Антон замирает. «Папа». Слово ударяет его, как тихий, но очень точный разряд тока. Он открывает рот, чтобы автоматически поправить: «Я брат». Слова уже готовы, но что-то останавливает его. Он смотрит на Дашу. Она смотрит на

учительницу, потом поднимает глаза на него. В её взгляде нет просьбы, нет надежды. Есть... принятая реальность. Для неё в этот момент, в этом месте, он и есть всё: и брат, и отец, и мать, и единственная несокрушимая опора в этом шумном, пугающем мире.

Учительница, не дождавшись ответа, уже кивает, указывая ему место в коридоре: «Папа, можете здесь подождать, потом короткое организационное собрание, минут на двадцать».

Антон не поправляет её, молча кивает и отпускает руку Даши.

Он остаётся стоять в шумном, пропахшем краской и половой тряпкой коридоре, и странное, совершенно новое для него чувство медленно разливается по всему телу, согревая изнутри. Это не гордость. Не тяжесть ответственности. Это признание. В глазах этого внешнего мира, в глазах учительницы, он — не Антон Захаров, неуверенный молодой человек с кучей комплексов. Он — «папа». Цельная, понятная, уважаемая социальная единица. За него сделали выбор. И ему... понравилось. Понравилось ощущение этой готовой, удобной маски, этого паттерна поведения, который не нужно было придумывать, за который не нужно было бороться. Достаточно было просто молчать, позволить другим дорисовать картину в своём воображении, и ты уже внутри, ты свой, ты защищён этим ярлыком.

С той минуты что-то щёлкнуло, встало на свои места. Се-

мя упало в благодатную почву. Идея, что можно не быть собой — тревожным, сложным, неправильным, — а быть тем, кем тебя видят или хотят видеть, и извлекать из этого силу, спокойствие, даже уважение, начало прорасти. Это был первый, неосознанный, глубоко эгоистичный урок мимикрии высшего порядка. Не просто подделать голос или подпись. Подделать роль. Стать отцом, чиновником, боссом, довольным клиентом, влюблённым — кем угодно, если этого требует ситуация и если окружающие в их слепоте готовы в это поверить. Ему захотелось повторять это снова и снова. Находить эти готовые, социальные роли и надевать их, как дорогие, безупречно сидящие костюмы, чувствуя, как они меняют не только восприятие других, но и его самого изнутри, даря иллюзию цельности, принадлежности, власти.

Пранкер открыл глаза, за стеклом всё тот же день. Теперь у него был целый гардероб таких масок, целый спектакль на все случаи жизни.

Антон взял стержни, начал раскладывать их на гладком столе. Два треугольника сложились легко, почти сами собой, образовав шестиконечную звезду. Третий никак не встраивался. Не хватало места. Не хватало материи. На плоскости — не складывалось. Он водил стержнями, составлял их в квадраты, в линии, в бесполезные углы, но три отдельных, равносторонних треугольника из шести одинаковых отрезков получить было невозможно. Значит, нужно искать объём. Третье измерение, но где взять точку опоры, эту третью

ось, в мире, который сплюснулся до размеров экрана телефона и страха за собственную шкуру? Где найти ту роль, тот «паттерн», который сработает сейчас? Роль пранкера-беглеца? Роли больше не работали. Они трескали по швам, рвались, как дешёвая ткань, под давлением настоящей, неигровой реальности.

Внезапно его рабочий телефон, лежавший на краю стола, завибрировал. Сигнал, похожий на удар маленького молоточка по стеклу. Это был чёрный, «чистый» аппарат, купленный вчера за наличные в случайном магазине у метро. На него не должен был звонить никто.

Он, как в замедленной съёмке, протянул руку, взял телефон. Экран вспыхнул от прикосновения, на нём горело одно-единственное уведомление из зашифрованного мессенджера. Новый контакт, без имени, без аватарки. Сообщение было как приказ:

«Убежище комфортное. Вид должен впечатлять. Не расслабляйтесь. За вами наблюдаем не только мы. Ждите инструкций. Не выходите на связь первым».

Антон медленно, очень медленно опустил телефон обратно на стол. Рядом с шестью стержнями. Он сидел и чувствовал, как по спине, от самого копчика до шеи, ползёт ледяной, липкий, медленный пот. Игра, в которую Трикстер ввязался, только начиналась по-настоящему, и он даже не знал всех игроков, не знал правил, не знал конечной цели. Шесть стержней на столе казались теперь не просто глупой голово-

ломкой, а зловещей, минималистичной метафорой его положения: его фигура, его сущность, окружённая со всех сторон невидимыми силами, давлениями, угрозами. И выход из этой геометрии, из этой ловушки, пока не просматривался ни в одном измерении.

Глава 5. Личный номер

Антон сидел на диване, спиной к бездне за окном, и перебирал шесть металлических стержней. Попытка удержать сознание от сползания в панический водоворот.

«За вами наблюдаем не только мы».

Мы. Кто мы? Мысли метались, цепляясь за версии, как за щепки в бурном потоке.

Громов. Логично. Заказчик, получивший результат и теперь желающий держать инструмент под колпаком. Но тогда зачем эта игра? Он и так был его инструментом.

Те, кто брал первую квартиру. «Полиция? Нет!». Значит, частная сила. Охранные структуры конкурентов? Или... спецслужбы, работающие в тени?

От этой мысли в горле встал ком. Воздуха стало не хватать. Эта стеклянная коробка вдруг стала не убежищем, а аквариумом. А он — рыбкой, за которой наблюдают со всех сторон. Он не выдержал, резко встал, смахнув стержни на пол. Они звякнули, раскатились по полированному бетону. Ему нужно было исчезнуть отсюда. Сейчас. Прямо сейчас. Неважно, куда. На улицу, в толпу, в метро, где можно рас-

твориться.

Антон схватил свой рюкзак, уже наполовину собранный, сунул в него ноутбук, приборы, наушники. Надел куртку. Подошёл к входной двери — массивной, глухой, обитой со стороны коридора сталью, а с его стороны — отделанной панелью «под кожу». Приложил карту, не работает. Взялся за ручку — хромированную, идеально отполированную. Повернул. Щелчок механизма прозвучал нечётко, как будто что-то мешало. Он потянул дверь на себя. Дверь не поддалась. Пранкер раз за разом прикладывал карту, всё тщетно. Антон нахмурился. Потянул сильнее. Ручка проворачивалась, внутри что-то щёлкало не до конца, полотно оставалось неподвижным, будто вросшим в стену. Он отпустил ручку, затем снова повернул её и толкнул дверь от себя. Та же неподвижность. Он присел, посмотрел в зазор между дверью и коробкой. Темнота. Ничего не видно. Он потянул ещё раз, вложив в движение вес всего тела. Ничего. Дверь была заперта. Наверное, дистанционный управляемый электромагнитный замок, встроенный в коробку, о котором он не знал.

Его сердце начало биться чаще, глухо, как барабан в пустой комнате. За ним не просто наблюдали. Его заперли. Стеклянная колба обрела герметичную крышку.

Первой, острой и ядовитой, как вспышка боли, возникла мысль о Лере. Она привела его сюда. Она организовала. Она знала код от сейфа, говорила с «друзьями». Она бы-

ла единственным связующим звеном между его паническим бегством из Купчино и этой роскошной клеткой. Это было слишком элегантно, слишком в её стиле: манящая красота, безупречный сервис и абсолютный контроль. Могла ли она? Да. Легко. Лера существовала в мире сделок, невидимых договорённостей и красивых жестов, за которыми скрывалась сталь. Она всегда была над схваткой. Но чтобы опуститься до уровня тюремщика?.. А почему нет? Если цена была велика. Или если... если у неё были свои причины. Он вспомнил её взгляд в «Мансарде»: оценивающий, читающий его страх как открытую книгу. Он думал, это забота. А может, это был диагноз? Осмотр материала перед использованием.

— Сука, — прошипел он сквозь зубы, ударив кулаком по поверхности двери. Боль в костяшках была острой, реальной, и это ненадолго приглушило панику.

Нет. Нужны факты, а не эмоции. Он отбросил рюкзак, сбросил куртку. Если это Лера, значит, здесь должна быть камера. Или жучок. Антон взял свой сканер и начал не формальный, а яростный, дотошный обыск.

Он не просто водил прибором по стенам. Он разбирал всё. Снял декоративные панели со встроенных светильников, заглянул в пустоты за ними. Вывернул розетки, проверив, не лежит ли за ними миниатюрное устройство с батареей. Отодрал от стены телевизор, изучив его заднюю панель и крепления. Залез под диван, прощупал каждый сантиметр ткани, каждый шов. Кухня: он открыл холодильник,

морозильник, духовку, микроволновку — везде могла быть спрятана линза или микрофон. В ванной снял вентиляционную решётку, сунул туда руку, нащупывая оцинкованный металл воздуховода. Проверил раковину, унитаз, смеситель. Он работал молча, с сосредоточенной жестокостью сапёра, разминирующего собственную квартиру. Пот заливал спину, дыхание стало тяжёлым.

Но сканер молчал. Ничего. Ни намёка на передатчик, кроме того слабого, неопознанного сигнала из бетонной колонны. Он вернулся к ней. Снова встал на стул. На этот раз он не просто смотрел — он искал слабинку. Ухватился за полку, в которую был вмонтирован обломанный нимб. С силой потянул на себя. Конструкция поддалась с тихим скрипом — оказалось, это не стационарная полка, а магнитный модуль, прикреплённый к скрытой металлической пластине в бетоне. Он снял его. За ним была гладкая бетонная поверхность и то самое аккуратное отверстие для проводов. Никаких камер. Сигнал, возможно, шёл просто от силового кабеля, проложенного в колонне.

Он спустился, сел на корточки, опустил голову. Ничего. Абсолютно ничего. Квартира была чиста. Кроме запертой двери. Значит точно, блокировка была дистанционной, активировалась по сигналу. Значит, наблюдали не отсюда. А откуда? Через камеры наблюдения на улице, нацеленные на его окна? Бред. Слишком сложно. Или... или они просто знали, что он здесь, и заперли дверь удалённо через систему «умно-

го дома», к которой у него не было доступа, сразу как ушла Лера.

Мысль о ней пошатнулась. Зачем ей устанавливать жучки, если она контролирует всю инфраструктуру? Это было изощрённо. Слишком изощрённо даже для неё.

Раздался звонок. Пронзительный, острый, как удар шила. Звонил его личный смартфон. Не тот, на который пришло сообщение. Антон вздрогнул, отшвырнул сканер в сторону. Он подполз к столу, взял устройство. На экране светился номер. Не тот, что написал на «чистый» телефон. Другой.

Он принял вызов. Не сказал ничего.

— Неудобно? — раздался в трубке голос Гордеева. Он звучал неестественно ровно, как будто прочитанный с листа текст, но интонации, лёгкое «аканье» — всё было на месте. — Дверь не открывается? Элементарная мера предосторожности. Чтоб ты не натворил глупостей, пока мы не договоримся.

— Где Лера? — выпалил Антон, не в силах сдержаться. — Она за этим стоит?

В трубке послышался едва уловимый вздох, скорее похожий на помеху в линии.

— Лера? Она исполнитель. Как и ты. Только её инструмент — не голос, а связи и внешность. Да, она знала о твоём... перемещении. Знала, куда и зачем тебя везёт. Она улетела в Милан не просто так. У неё там съёмки, Антон. Настоящие. Это, конечно же, красивое совпадение. Или краси-

во заплаченное отступление. Не трать на неё силы.

Щелчок в мозгу. Так и есть. Она была частью схемы. Эти два года их странных, прерывистых отношений — встречи, когда она была в городе, её отстранённая забота, её умение находить именно то, что ему было нужно, будто читая его мысли... Всё это было не спонтанно. Это была работа. Подготовка актива. Выращивание доверия. Чтобы в нужный момент он без колебаний взял у неё ту самую соломинку, которая оказывается последней. Он почувствовал тошнотворную пустоту в животе. Он хотел было взять личный телефон, написать ей, спросить «почему?», излить всю горечь предательства. Но его рука не поднялась. Что он напишет? «Зачем ты меня продала?» Она ответит смайликом. Или вообще не ответит. Она была уже над этим, в самолёте, за границей, в своём блестящем, не пахнущем страхом мире. Его боль была для неё просто ещё одним пунктом в отчёте.

— Чего вы хотите? — его собственный голос прозвучал глухо и устало.

— Тебе нужно позвонить от лица одного человечка и отдать приказ, чтобы охрана отключила камеры видеонаблюдения в их флагманском торговом центре «Текка Молл» в восемнадцать часов. — Голос был методичным, как диктофон.

— Кого это «их»? — спросил Антон, уже чувствуя абсурдность этого уточнения.

В трубке прозвучала короткая, сухая усмешка.

— Хм. Антон! Ну хватит! «Стройфлекс», конечно. Они ведь тебе триста пятьдесят заплатили? Я ничего не путаю? — Вопрос повис в воздухе, наливаясь ядом. Они знали сумму от Громова до рубля. Это был намёк: они знают всё. Каждую транзакцию. Каждый шаг.

— Зачем отключать камеры? — продолжал Антон, цепляясь за логику, хотя логики здесь уже не было, был только жёсткий сценарий.

— Око за око, зуб за зуб. Они получили наши документы, теперь нам нужно получить их... — голос сделал паузу, будто давая ему время представить, что именно можно «получить» в тёмном, многолюдном торговом центре без камер.

— А если я откажусь?

Ответ пришёл мгновенно, без колебаний, отточенной фразой:

— Тогда мы передадим все имеющиеся у нас материалы — включая записи твоих разговоров, финансовые транзакции от Громова, твоё текущее местонахождение в главное управление МВД по Петербургу. Уверен, у них найдётся, что тебе предъявить.

Это была не угроза. Это был точный расчёт. Математика уничтожения.

— Какие у меня гарантии, что вы не сдадите меня полиции, после того как я позвоню? — спросил он, уже почти машинально, ища хоть какую-то зацепку.

— Мы с тобой в связке, Антон. Я не сдаю тебя, ты меня.

Ты выполнишь работу — и станешь нам не врагом, а... активом. С другим статусом.

Ложь. Прозрачная, как стекло этой квартиры, ложь. Но другой правды у него не было.

— Мне нужно подумать, — сказал Антон, пытаясь выгадать хотя бы минуты.

— У тебя не то положение, чтобы иметь возможность выбирать, — голос стал твёрже. — Будем считать, что молчание — знак согласия. Я сейчас пришлю телефон охранника, который отвечает за видеонаблюдение в торговом центре и аудиозапись голоса его начальника.

— Ну хорошо, — сказал Антон

— Не нужно мне делать одолжение.

Связь прервалась. Через несколько секунд телефон завибрировал. Пришло три сообщения в зашифрованном мессенджере. Контакт «Охрана Леша». Контакт «Начальник охраны». И аудиосообщение с пометкой «голос начальника охраны». Антон нажал на него.

В наушниках, которые он автоматически вставил в уши, раздался новый голос. Мужской. Немолодой. Грубоватый, армейский, но без крика. В голосе чувствовалась привычка к власти, но не к большим кабинетам, а к складам, проходным, ночным сменам. Он отдавал распоряжения о каком-то обходе, сломанном замке, пожарной инспекции. Голос был живой, настоящий. Запись, сделанная скрытно, возможно, через тот же прослушивающий софт, который они использо-

вали против него самого.

Антон откинулся на спинку дивана и закрыл глаза. Лера. Два года. Он встретил её на презентации какого-то дурацкого фонда, куда его затащили за деньги — нужно было отработать голос одного из инвесторов. Она выделялась даже в той толпе дорогих моделей. Не яркостью, а именно отстранённостью. Как будто она была здесь по ошибке, наблюдая за зверинцем сквозь невидимое стекло. Он подошёл, заговорил. Удивил её каким-то замечанием об архитектуре зала. Она ответила. Они проговорили весь вечер. Потом были редкие встречи. Валерия никогда не спрашивала, чем он занимается. Говорила о моде, искусстве, путешествиях. Иногда давала советы, которые оказывались поразительно точными — где найти редкую пластинку не очень известного исполнителя. Антон думал, это забота, тонкое чутьё. Он думал, между ними есть... если не любовь, то какое-то взаимное понимание двух одиночек, живущих по своим, странным для других правилам. Пранкер доверял ей. Больше, чем кому-либо за последние годы. И всё это время она, выходит, составляла досье. Изучала его вкусы, страхи, слабости. Готовила ту самую идеальную приманку, на которую он клюнул, как наивная рыба. «Стеклянная колба с видом на пустоту». Это же он сам в отчаянии сказал ей утром в «Мансарде», чего хочет. И она, не моргнув глазом, подсунула ему именно это. Словно по заказу.

Горечь подступала к горлу, едкая и бесполезная. Преда-

тельство было не в том, что его подставили. Предательство было в том, что эти два года оказались фикцией. Его островок нормальности, его связь с красивым, не пахнущим страхом миром — был таким же фейком, как голоса, которые он создавал. Его жизнь состояла сплошь из подделок.

Антон встряхнул головой, отгоняя слабость. Некогда. Есть работа. Он перезапустил аудиозапись. Сосредоточился. Голос начальника охраны. Нужно было не просто скопировать тембр. Нужно было уловить суть. Эту усталую, brutальную уверенность человека, который прошёл армию или милицию, который привык, что его приказы не обсуждаются, а выполняются. В его речи были короткие, рубленые фразы, акцент на ключевых словах («замок», «пломба», «инспекция»), лёгкое пренебрежение к деталям. Начальник охраны не просил. Он констатировал.

Антон начал упражняться. Сначала шёпотом, повторяя обрывки фраз за записью. Потом вслух, стараясь направить звук «в грудь», сделать его плотнее, грубее. Он представлял этого человека: крепкий, лет пятидесяти, короткая стрижка, возможно, шрам над бровью, руки с потёртыми костяшками. Он носит недорогой, но практичный костюм, пахнет лосьоном после бритья и лёгким запахом табака. Он раздражён тем, что его отвлекают от чего-то важного, но сдерживается, потому что это работа.

Антон ходил по комнате, говоря в пустоту, оттачивая каждую интонацию. «В полночь сделайте обход, там в хозтова-

рах сломался замок. Вы повесили пломбу? Послезавтра придет пожарная инспекция, разберите там всё у себя, не хватало чтобы они до чего-нибудь докопались!» Он ловил эту характерную, немного гнусавую нотку на слове «докопались», имитировал лёгкое откашливание перед началом фразы.

Это была его зона гениальности. Здесь, в мире звуков и психологических портретов, он был богом. Даже сейчас, загнанный в угол, преданный, Антон чувствовал ту самую, странную, почти медитативную ясность, когда его собственное «я» растворялось, уступая место другому. Нейронные связи в его мозгу перестраивались, мышечная память гортани подстраивалась под чужой шаблон. Это был побег. Единственный возможный для него побег — в чужие голоса, в чужие жизни.

Пранкер работал почти час. Потом сделал перерыв, нашёл в мини-баре бутылку воды. Выпил залпом. Взглянул на часы. До шести вечера ещё далеко. Он был пленником, репетирующим свою роль для ключевого выступления. Его сцена — телефонная трубка. Его зритель — один наивный охранник по имени Лёша. Его режиссёры — невидимые кукловоды, которые, возможно, в этот момент смотрели на него через камеру ноутбука или следили за активностью его телефона.

Антон вернулся к работе. Теперь нужно было продумать не голос, а диалог. Что скажет охранник? Какие возражения приведёт? Нужно было быть готовым ко всему. Давить авторитетом. Раздражаться. Это был маленький, грязный спек-

такль, где ставкой была его жизнь.

Он сел за стол, взял блокнот и начал записывать возможные реплики, пометчая, с какой интонацией их нужно произносить. Его почерк, обычно ровный, сейчас был нервным, угловатым. Каждая буква казалась криком о помощи, запертым в клетке строк.

А вокруг, за тоннами бетона и стекла, город жил своей жизнью. А здесь, в стеклянной клетке над пустотой, Антон Захаров, мастер иллюзий, готовился совершить самое страшное и самое безупречное превращение в своей жизни.

Глава 6. Рубильник

Антон открывал вкладки браузера одну за другой, будто пытался что-то найти. Нашёл. Сто тысяч человек. Именно столько, по словам сайта, бывало в этом торговом центре каждый день. Сто тысяч. Они шли, покупали, уходили. Ему показалось, что в комнате стало теснее от этой цифры. Антон пролистал страницу вниз. Графики, диаграммы, проценты. Его взгляд зацепился за другую цифру: «Максимальная единовременная заполняемость — до 25 000 человек». Двадцать пять тысяч тел под одной крышей. В шесть вечера, в час пик, их будет близко к этому. Дети в игровой зоне «Планета Чудес», подростки в кинотеатре, пары в ресторанах на фудкорте, пенсионеры, гуляющие по тёплым галереям, семьи, покупающие одежду к школе. Он представил их не как толпу, а как калейдоскоп лиц, голосов, запахов: духи

консультантки в парфюмерном магазине, запах жареной картошки из фастфуда, визг детей, гул сотен разговоров, смешанный с фоновой музыкой. Целая вселенная, живущая по своим законам, — законам потребления, отдыха, простого человеческого существования. И он сейчас держал в руках невидимый рубильник, который мог всё это обесточить. Выключить свет. Выключить камеры. Открыть дверь для тьмы иного рода.

Он резко захлопнул крышку ноутбука. Звук был громким, как выстрел, в стерильной тишине квартиры. Его пальцы потянулись к шести металлическим стержням, лежавшим в строгом порядке, который он сам и задал. Он взял один, провёл его кончиком по ладони — холодная, точная линия. Два треугольника он собрал сразу, автоматически, соединив их в шестиконечную звезду. Но на столе осталось пустое место, куда третий, отдельный треугольник, никак не вписывался. Он разобрал конструкцию, начал снова. Возможно, если сделать треугольники меньше? Но стержни были одинаковой длины. Уменьшить их, не сломав, было нельзя. Ломать нельзя. Правило.

— Чёрт! — его собственный голос, сорвавшийся с губ, прозвучал хрипло и чуждо.

Он встал и зашагал по комнате. Его тело было скованным, будто все мышцы зажаты в тисках. Мысли метались, как мыши в стеклянном лабиринте.

«Око за око». Что это значит в их извращённой логи-

ке? Они опубликовали отчёт «Марк Девелопмент». Нанесли удар по репутации. Ответ должен быть симметричным? Но публикация отчёта и...? Это не симметрия. Это эскалация до уровня абсурда. До уровня войны.

Что ещё можно сделать в отключённом на час торговом центре? Устроить масштабную кражу? Но зачем красть товары, если цель — навредить конкуренту? Можно... можно сделать, что угодно. В отсутствие глаз камер.

Антон подошёл к панорамному окну, упёрся лбом в ледяное, абсолютно прозрачное стекло. Его дыхание затуманило поверхность. Внизу, далеко-далеко, текли две реки ЗСД. Каждая машина, это чей-то путь домой, к семье, на встречу. Нормальная жизнь. От которой он был отрезан не только физически, на тридцать втором этаже, но и экзистенциально — своей ролью, своим выбором, этой чудовищной ответственностью, которую на него взвалили.

Чувство грязи стало невыносимым. Оно было не на коже, а под ней. Как будто его внутренности были вымазаны липкой, чёрной смолой — смолой соучастия. Пранкер чувствовал привкус этой грязи во рту — металлический, горький. Он вспомнил запах пыли, поднявшейся при взломе его первой двери, призрачный аромат дорогого шампанского, которым пахла Лера, запах её парфюма, смешанный с промозглостью ветра с залива. Все эти запахи слились в один тошнотворный букет — запах предательства, страха и лжи. Ему

нужно было смыть это. Прямо сейчас.

Он побежал в ванную комнату. Пространство, выдержанное в духе всего остального: серый матовый кафель, в который будто вросли раковина и унитаз, огромное зеркало во всю стену, хромированные смесители, похожие на хирургические инструменты. Он резко, с силой дёрнул ручку душа. Механизм сработал бесшумно, и из большой квадратной лейки хлынула вода. Сперва холодная, ледяными иглами ударившая по плитке, но через несколько секунд она превратилась в плотный, почти кипящий поток пара и кипятка.

Он не стал ждать, не стал регулировать температуру. Сорвал с себя футболку, сбросил джинсы и боксеры и шагнул под этот обжигающий водопад. Боль была мгновенной и острой. Кожа на плечах и груди вспыхнула алым цветом. Он втянул воздух со свистом, но не отступил. Наоборот, подставил поток прямо в лицо, зажмурил глаза. Боль была хоть чем-то. Чем-то реальным, физическим, что могло на время затмить другую, душевную агонию. Пар быстро заполнил всё пространство, затуманил зеркало, стёкла душевой кабины. Он оказался в белом, шумящем коконе. Здесь, наконец, он был по-настоящему один. Неподконтрольный ничьим камерам, ничьим микрофонам. Только он и вода, смывающая с него пот, пыль и, как ему отчаянно хотелось верить, часть вины.

И тогда он разрешил себе то, чего не позволял никогда. Не слезы — слёзы были бы слабостью, а ему сейчас нужен

был выброс, взрыв. Антон открыл рот, и из горла вырвался звук. Не крик в полном смысле слова. Сначала это был низкий, глубокий стон, идущий из самой диафрагмы, из того места, где копился весь невысказанный годами страх, одиночество, ярость на себя, на мир, на невидимых кукловодов. Стон набрал силу, превратился в хриплый, надрывный рёв, в котором не было слов, только чистая, животная боль. Пранкер кричал в поток воды, кричал так, что горло тут же стало саднить, кричал, пока в лёгких не кончился воздух. Потом, давясь паром и собственной слюной, он согнулся пополам, ухватившись за холодный хромированный поручень, и его плечи забила крупная дрожь. Слез опять же не было. Был только пустой, выжженный изнутри вакуум и странное спокойствие на грани шока.

Антон простоял так неизвестно сколько, пока вода не начала остывать. Потом выключил её. Внезапно воцарившаяся тишина была оглушительной. Лишь редкие капли падали с лейки на кафель, отдаваясь эхом в маленьком помещении. Он вытерся грубым, безликим полотенцем, оставив на его бежевой ткани розовые разводы от трения обожжённой кожи. В зеркале, которое постепенно прояснялось, на него смотрел незнакомец: мокрые, тёмные волосы, слипшиеся на лбу, пустые, запавшие глаза, резкие тени под скулами, губы, сжатые в тонкую белую ниточку. «Антон Захаров, 1984 года рождения», — мысленно констатировал он. Пранкер «Трикстер». Соучастник. Предатель. Беглец.

Одежда из рюкзака — простая чёрная футболка, серые джоггеры — пахли стиральным порошком и чем-то ещё затхлым от долгого хранения. Он натянул её на себя. Движения были механическими, медленными, будто его тело работало на последних остатках энергии. Крик в душе выплеснул наружу самую острую панику, оставив после себя тяжёлую, свинцовую решимость. Бартер был заключён. Антон продал свой голос и кусочек души за призрачную гарантию безопасности. Теперь нужно было доставить товар.

Он сел за ноутбук. Включил. Свет экрана в полумраке комнаты был резким и неприятным. Он открыл браузер, зашёл на сайт одной из международных авиакомпаний. Его пальцы, всё ещё влажные, бесшумно скользили по тачпаду.

Куда?

Мысль о Стамбуле возникла не просто так. Он врал матери про командировку инстинктивно, но сейчас это обрело смысл. Турция. Без визы для россиян. Большой город, где можно затеряться. Относительно близко. Оттуда — хоть в Азию, хоть в Африку, хоть в Европу по поддельным документам, которые ещё предстояло сделать. Он вбил «Стамбул» в строку поиска. Рейсы на сегодня. Поздно вечером, в 23:40, вылет из Пулково. Turkish Airlines. Есть места в эконом-классе. Он выбрал его, не раздумывая.

Наступил самый сложный момент — ввод данных. Он достал из потайного отделения рюкзака маленький кожаный бумажник. В нём, среди прочей мелочи, лежал пластиковый

прямоугольник — загранпаспорт. Не его основной. Второй. Оформленный три года назад через одного из своих «контактов» на утерянные документы гражданина РФ, который давно и тихо умер в провинции. Имя: Артём Владимирович Семёнов. Фотография была его, но с другой причёской, в очках, с легкой щетиной. Легенда была «спящей», на крайний случай. Теперь этот случай настал.

Антон вбил данные в форму: имя, фамилия, номер паспорта, дату рождения. Его сердце, казалось, замерло на время ввода каждой цифры. Каждая буква, каждый символ были шагом в другую жизнь. Жизнь беглеца. Он выбрал способ оплаты — криптовалюта. Открыл свой кошелёк, скопировал длинный адрес, подтвердил транзакцию через приложение на телефоне с двухфакторной аутентификацией. Процесс занял несколько минут. Он сидел неподвижно, глядя на индикатор загрузки. Наконец, зелёная галочка. «Оплата подтверждена». Через мгновение на экране появился электронный посадочный талон. Рейс ТК 414. Вылет 23:40. Посадка начинается в 22:50. У него было чуть больше шести часов, чтобы добраться до аэропорта, главное — не привлекать внимания.

План А был готов. Билет в никуда. План Б... План Б он даже не решался обдумывать. План Б был провал, стук в дверь, наручники, приговор и...

В этот момент на экране его личного телефона, лежавшего рядом, всплыло изображение матери. Видеовызов. Сердце Антона сделало болезненный скачок, замерло, а потом заби-

лось с новой, бешеной силой. Он посмотрел на своё отражение в чёрном экране ноутбука, поправил волосы, сделал глубокий, успокаивающий вдох. Нужно было стать другим человеком. Усталым, немного задерганным, но успешным риелтором, у которого всё под контролем и который просто спешит в аэропорт. Он нажал «Ответить».

На экране появилось лицо матери. За ней — знакомая кухня: шкафчики с посудой, чайник на столе, полосатый фартук на гвоздике. Но её лицо, обычно спокойное и мягкое, сейчас было напряжённым. Глаза, такие же тёмные, как у него, были широко раскрыты, в них плавала неподдельная, животная тревога.

— Сынок, — начала она сразу, без приветствия, и её голос, обычно такой тёплый, дрогнул. — У тебя всё в порядке? Что-то у меня на душе беспокойно. Прямо скребётся, скребётся что-то.

Антон, заставляя уголки губ приподняться в натянутой, но старающейся быть спокойной улыбке.

— Да всё нормально, мам, не выдумывай. — Он покачал головой, делая вид, что отмахивается от её глупостей. — Слушай, а я тут только что с Дашей говорил, а что у них с Володькой-то произошло? Она вся на нервах.

Он смотрел прямо в камеру, стараясь, чтобы взгляд был тёплым, заинтересованным, но не суетливым. Внутри было пусто и холодно.

Мама, покачала головой, не отвлекаясь:

— Да я не знаю, понимаешь... Она весёлая была, а сейчас ходит смурная, как туча. Целую неделю как на иголках. Со мной, с отцом не разговаривает — слова из неё не вытянешь. Словно в себе закрылась. — Она придвинулась ближе к камере, её лицо стало больше, тревога на нём — ещё отчетливее. — Антон, ты мне честно скажи. У тебя точно всё хорошо? Голос у тебя какой-то... пустой. И лицо бледное. Ты не заболел?

Антон с лёгким, фальшивым смешком:

— Да перестань, мам! Я здоровый, как бык. Просто устал немного. Работы много. — Он перевёл взгляд куда-то в сторону, как будто проверяя время, затем снова посмотрел в камеру, изображая лёгкую озабоченность. — Меня, кстати, срочно в командировку отправляют. Сейчас как раз собираюсь.

— А куда? Надолго? — в голосе послышались нотки облегчения, но тревога не ушла.

— В Стамбул. Виллу одну продать нужно, клиент капризный. Вылет через шесть часов. Еле успеваю.

— Ой... Стамбул... — она задумалась на секунду, потом её лицо снова осветилось беспокойством. — Подожди, подожди, отец пришёл, он тебе хочет сказать.

Изображение качнулось, зашумело, и на экране появилось лицо отца. Он выглядел усталым, но увидев сына, просиял

привычной, широкой, немного простодушной улыбкой.

— А, сынок, привет! Как жизнь, молоток?

— Привет, пап! Всё путём. Работаю. — Антон старался вложить в голос сыновью теплоту.

— Слушай, мы с матерью тут посоветовались. Эти деньги, что ты нам перевёл, — они нам ни к чему. Мы пенсию получаем, нам хватает. Ты их забери. На себя потратить, тебе нужнее. Мы тебе обратно переведём.

Щемящая нежность, смешанная с острой болью, сдавила горло Антона. Он закашлялся, чтобы скрыть дрожь в голосе.

— Пап, ничего не нужно! Слышишь? Никуда не переводите! Это вам. На что хотите. На ремонт, на дачу, маме на новую шубу... Оставьте, я не возьму назад.

В этот самый момент на краю его поля зрения, на экране личного телефона, лежавшего рядом с клавиатурой, вспыхнуло уведомление в мессенджере. Всего три слова. От Гордеева: «Ну что готов?»

Лёд. Мгновенный, пронизывающий всё тело лёд, сменившийся вспышкой жара в висках. Время вышло. Период рефлексии, сомнений, подготовки окончен. Начиналось действие. Финал игры, в которой он был не игроком, а разменной пешкой, которую только что подвинули на последнюю клетку.

Антон смотрел в камеру, но его взгляд уже стал стеклянным, он видел сквозь родителей, сквозь экран.

— Всё, пап, у меня вторая линия. Деловой звонок. Пока!

Целую!

— Пока, сынок... Береги себя...

Антон не дослушал, резко ткнул пальцем в красную трубку на экране. Лицо отца, его улыбка, последний встревоженный взгляд матери — всё это исчезло, сменившись чёрным зеркалом экрана, в котором отражалось его собственное, искажённое гримасой лицо. Он на секунду зажмурился, отсекая всё: любовь, страх, сомнения. Включая режим. Он не был больше Антоном. Он был инструментом.

Пранкер взял рабочий телефон. Его пальцы были абсолютно сухими и твёрдыми, как металл тех стержней. Он набрал в ответ: «Готов».

Ответ пришёл мгновенно. Никаких слов. Никаких смайликов. Никаких последних инструкций или пожеланий удачи. Просто цифровой сигнал о том, что его сообщение получено. Они ждали. Как хищник, затаившийся в темноте, ждёт, когда добыча сама войдёт в поле действия.

17:48.

Антон вставил миниатюрный, почти невидимый наушник-капельку в правое ухо. Он открыл папку с аудиофайлами, нашёл заранее подготовленную запись: «городской шум — пробка в тоннеле». Это был не просто шум, а сбалансированный микс, где слышны были приглушённые гудки, рокот двигателей, эхо, характерное для замкнутого пространства, и даже обрывки далёких радиопереговоров. Детали создавали реальность.

17:49.

Сделал несколько пробных вдохов и выдохов, слушая себя в наушнике. Голос звучал чисто, но ему нужно было другое.

17:50.

Он посмотрел на часы — тонкий чёрный диск на стене. Стрелки казались замершими. Десять минут до назначенного времени. Десять минут до того, как его голос, облачённый в эту чужеродную, грубоватую плоть звука, прикажет погасить глаза огромного живого организма под названием «Текка Молл». Глаза, которые видели всё: кражи, поцелуи, ссоры, смех. Глаза, которые должны были видеть и то, что произойдёт в следующие полчаса. Но не увидят.

Пранкер поднял телефон. На экране горел номер с меткой «Охрана Леша». Его палец, как жало, завис над сенсорной кнопкой с изображением зелёной трубки.

В наушнике гудела искусственная пробка. В груди была та самая мёртвая, ледяная пустота после душа и крика. Страх никуда не делся, он просто кристаллизовался, стал частью его нового, временного «я» — начальника охраны, которому всё равно, который раздражён, которому некогда. Антон посмотрел на шесть стержней, один из которых всё ещё торчал из-под дивана. Два треугольника. Тупик. Невозможная задача.

Он нажал на кнопку.

В наушнике раздались длинные, равномерные гудки, отсчитывающие последние секунды его прежней жизни, жиз-

ни человека, у которого ещё был моральный выбор. С каждым гудком этот человек таял, как последний снег под кислотным дождём. Он уже не думал о последствиях. Он думал о тоне, о тембре, о нужной степени раздражения в голосе. Пранкер готовился стать идеальным, беспристрастным, беспощадным рубильником.

Выбор был сделан. Все фигуры расставлены. Оставалось только, подчиняясь невидимой руке, сделать последний, роковой ход.

Глава 7. Слепое здание

Антон сделал последний, глубокий вдох, наполняя лёгкие стерильным, кондиционированным воздухом стеклянной башни. Перед ним на экране телефона горел контакт «Охрана Леша».

Антон закрыл глаза снова, сосредоточившись на образе: мужчина лет пятидесяти, бывший военный, с короткой седой щетиной, в недорогом, но опрятном пиджаке. Он стоит в пробке в своём стареньком внедорожнике, дымя сигаретой. У него болит спина после долгого сидения на совещании у начальства. Этот образ наполнял Антона, вытесняя его собственную сущность.

На четвёртом гудке — щелчок соединения.

Голос в трубке был молодым, старающимся звучать бодро и почтительно, но слышалась в нём и доля настороженности,

свойственная человеку на смене.

— Добрый вечер, Дмитрий Сергеевич.

Антон голосом начальника охраны, с лёгкой, усталой хрипотцой, чуть растягивая гласные:

— Здорова. У вас всё тихо? — Вопрос прозвучал как формальность, ритуал, за которым должно последовать что-то важное.

В трубке послышался короткий вздох облегчения — видимо, охранник боялся, что возникла какая-то проблема.

— Ну, а как может быть иначе? Все мониторы зелёные, народ расходится потихоньку. — Пауза. — Вас что-то плохо слышно, Дмитрий Сергеевич.

Антон мысленно похвалил себя за подготовленный фон. Он позволил голосу стать чуть более глухим, сдавленным, будто говорящий прикрывает трубку ладонью или микрофон находится в замкнутом пространстве с плохой акустикой.

— Я в пробке стою. В тоннеле. Связь так себе. — Он сделал небольшую, раздражённую паузу, имитируя, что смотрит на дорогу. — Слушай, там сейчас приедут какие-то техники из сервиса. По видеонаблюдению. Будут свои штуки проверять. С 18:00 нужно все камеры выключить. Всё внутренние и наружные.

Он произнёс это не как приказ, а как констатацию очевидного факта. Дескать, приехали техники — надо выключить. Всё просто. Нечего даже обсуждать.

Но в ответной паузе зазвучало сомнение. Затянувшаяся,

тяжёлая пауза, в которой слышалось, как охранник Леша переводит дыхание.

— Так они же недавно что-то лазили... Месяц назад, по моему. И камеры мы не отключали. Всё работало. По инструкции, если сторонние специалисты, мы должны...

Антон не дал ему договорить. Он позволил голосу «начальника» окраситься нетерпением, лёгким, но ощутимым раздражением человека, которого пытаются учить его же работе.

— Ну, тогда не отключали, а сейчас нужно. Не усложняй, Леха. У них, видишь ли, новые тесты какие-то. По нагрузке на сервер. Им надо на «чистую» систему посмотреть. Выключил — они поработали — включил. Делов-то.

Он нарочно использовал уменьшительное «Леха» — смесь панибратства и снисходительности, свойственная начальнику к подчинённому, которого он в целом одобряет, но сейчас тот его раздражает.

— А вы... вы приедете сейчас? Чтобы... я не знаю, написать приказ... — Голос дрогнул. Мужчина искал возможности переложить ответственность. Это было естественно.

Антон сыграл в лёгкий, почти саркастичный смешок, который тут же перешёл в раздражённый вздох.

— Я в пробке стою, в тоннеле. Ты отключи их в шесть, составь бумагу, я как подъеду — всё подпишу. Все формальности соблюдём. Никто тебя не накажет.

Он предложил знакомую, бюрократическую лазейку. Бу-

мага, подпись. Всё по правилам. Только правила сейчас диктовал он.

Пауза стала короче, но сомнение не исчезло. Охранник цеплялся за последние детали, как утопающий за соломинку.

— И... наружные тоже отключать? Парковка, периметр?

Это был ключевой момент. Вопрос, который выходил за рамки «технических работ». Отключение наружных камер — это ослепление объекта полностью. Никто не увидит, кто подъезжает, кто подходит, кто выходит. Антон почувствовал, как внутри всё сжалось в ледяной ком. Но колебаться было нельзя. Ни на миллисекунду. Он сорвался, вложив в голос яростное, хлёсткое раздражение, граничащее с прямой угрозой. Его голос стал громче, резче, перекрывая шум пробки в наушнике.

— Я же сказал — все! Все, блин, камеры! Ты что, премию не хочешь в этом месяце? Быстро сделал, как я сказал!

Последний кнут. «Премия». Универсальный аргумент в мире наёмного труда. Угроза её лишения, произнесённая начальником таким тоном, была страшнее любого приказа о дисциплинарном взыскании.

Эффект был мгновенным и полным. Голос охранника дрогнул, стал подобострастным, поспешным, наполненным желанием угодить и исправить впечатление.

— Всё-всё, Дмитрий Сергеевич, простите! Не понял сразу! Всё сделаем в лучшем виде! Ровно в шесть! Отключу всё!

Антон снизил тон, но оставил в нём металлический отзвук

недовольства:

— И отчёт жду. Всё подробно. Я как вырвусь — проверю.

— Так точно! Будет сделано!

— Еду, — бросил Антон коротко и положил трубку, не прощаясь.

Тишина, наступившая после щелчка разъединения, была оглушительной. Он сидел, не двигаясь, сжимая в руке телефон, из динамика которого ещё секунду назад звучал чужой, покорный голос. В ушах пульсировала кровь. Гудение искусственной пробки в наушнике стало вдруг невыносимым. Он резко вырвал наушник.

Работа выполнена. Рубильник переключен. Где-то там, в торговом центре «Текка Молле», охранник Леша, бледный от страха перед начальником, уже, наверное, тянулся к пульту или вводил команды в компьютер. Квадрат за квадратом, экран за экраном, изображения с камер должны были гаснуть, превращаясь в серые стёкла с надписью «no signal». Здание слепо. По его приказу.

Чувство тошноты подкатило к горлу. Пранкер сделал несколько судорожных глотков воздуха. Теперь нужно было отчитаться. Он взял личный телефон, открыл мессенджер, нашёл контакт «Гордеев». Нажал на кнопку записи голосового сообщения. Снова, на автомате, включил в голове образ начальника охраны, но теперь с оттенком усталого выполнения долга.

— Я всё сделал, как вы сказали. — Он отправил сообще-

ние. Оно улетело в цифровую пустоту.

Ответ пришёл почти мгновенно. Не текст. Короткое аудиосообщение. Голос того же человека, что звонил ему ранее, спокойный, безэмоциональный, как голос навигатора.

— Приятного полёта.

Два слова. Они напомнили ему о лжи, сказанной матери. О билете в Стамбул. Они были одновременно намёком «мы знаем твой план» и прощанием «ты больше не нужен». Или нет? Может, это было и правда пожелание? Часть сделки: ты сделал дело — теперь исчезай.

Антон хотел швырнуть телефон на диван, но не стал этого делать. Больше ждать здесь было нечего. Эта квартира выполнила свою функцию — была красивой, стерильной клеткой для подготовки к преступлению. Теперь она была опасна. Он вскочил, начал быстро, почти лихорадочно собираться. Рюкзак, куртка, оба телефона в карманы. Он не оглядывался на панорамное окно, на вид, который ещё час назад казался ему спасением. Теперь этот вид был свидетелем.

Он вышел в коридор. Дверь закрылась за ним с мягким шипением. Лифт, как и в прошлый раз, ждал. Спуск. Холл. Консьерж с тем же безразличным кивком. Антон выскочил на набережную. Вечерний ветер с залива он вдохнул полной грудью, пытаясь вытеснить из лёгких кондиционированную стерильность.

Такси приехало быстро. Он сел на заднее сиденье, бросив водителю адрес «Пулково». Машина тронулась, ныряя в ве-

черный поток машин. Антон откинулся на сиденье, закрыл глаза, но образы лезли в голову: камеры, гаснущие в пустом помещении охраны; толпа людей, не подозревающая, что их перестали видеть; и тени, которые должны были войти в эту слепую зону. Что они принесут с собой?

Он достал личный телефон. Написал матери короткое, дежурное сообщение, стараясь, чтобы пальцы не дрожали: «Всё ок, еду в аэропорт. Не волнуйся. Целую». Отправил. Ложь теперь казалась ему тонкой паутиной, которая в любой момент могла порваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.